

Идеальный донор. Караван

Автор:

Наталья Бутырская

Идеальный донор. Караван

Наталья Викторовна Бутырская

Идеальный донор #2

– Только не продавай свою Ки, – шептала мама, бледнея с каждым вздохом. – Все, что угодно, только не продавай... Я помнил ее слова, вспоминал каждый день, но продержался после ее смерти недолго, всего полгода. А что мне было делать? Кому нужен худой подросток-неумеха с никчемным талантом? Мне осталось только одно – продать свою энергию, свою Ки. Бедняки обычно продают Ки только в качестве подработки или при разовой нужде в деньгах. Я же всего лишь пытался отсрочить голодную смерть. Если еще немного протяну, то просто не смогу выжить после продажи Ки, так как буду слишком ослаблен.

Наталья Бутырская

Идеальный донор. Караван

Глава 1

– Вот и приехали, – крикнул издали охранник каравана, ранее посланный в разведку, – еще полчаса, не больше.

Хе Гоудань облегченно выдохнул, повел окаменевшими за время пути плечами, открыл блокнот для записей и, проведя кистью по крошечной походной

тушечнице, записал: «День двадцать седьмой путешествия. Мы, наконец, прибыли в Цай Хонг Ши[1 - Цай Хонг Ши (кит) переводится как Радужный город, название родного города Юсо Шена.]. Как и предупреждал учитель, дорога оказалась утомительной не столько для тела, сколько для ума. Торговцы, как и охранники, не блещут умом, и все их тайные пороки я выяснил уже на седьмой-восьмой день пути. Прихваченную в дорогу нуднейшую, да простит меня учитель, книгу о правилах этикета в западных землях я со скуки выучил наизусть, а потом научился впадать в своеобразный дорожный транс. Я заметил, почти все опытные путешественники неплохо владеют сим искусством. Этот транс отличается тем, что человек следит за дорогой, делает минимально необходимые движения и даже поддерживает разговор, но при этом его ум словно ложится в спячку, в глазах – ни единой мысли, на языке – скудный набор из тридцати слов, и лишь неожиданный вопрос или нападение может вывести его из транса.

Показалась стена Цай Хонг Ши. Несмотря на название, город, а точнее его стена, выглядит серо и уныло. Впрочем, я слышал, что радужным его прозвали не из-за пестроты зданий, а из-за странной системы разделения города на районы, каждому из которых присвоили какой-то цвет.

Провинция.»

В тушечнице закончились подготовленные заранее чернила, и Хе Гоудань поневоле прервал записи. Он аккуратно протер кисть специальным платочком, затем сложил рукоять пополам и засунул ее в миниатюрный деревянный футляр, прикрепленный к запястью, затем прикоснулся к записям и заставил их высохнуть. Тушечница также отправилась в футляр.

Гоудань распрямил спину, потянулся и стал дожидаться въезда в город.

Возможно, отправиться в далекий провинциальный город было не самой лучшей идеей, но Гоудань устал ждать, когда же учитель доверит ему первое дело. Целых одиннадцать лет Хе изучал сложное искусство сыска, погружался в пыльные свитки, разбирая заковыристые почерка судебных секретарей, читал никому не нужные книги, которые писали мастера одного дела – люди, посвятившие свою жизнь какому-то очень узкому направлению, например, лакированию ногтей на ногах или способам завязывания шнурка на королевских посланиях. Хе не представлял, как можно изо дня в день, из года в год делать одно и то же, и не просто делать, а погружаться туда с головой, переписываться

с такими же фанатиками, стараться выдумать что-то новое, а потом, ближе к концу жизни, выплеснуть накопленные знания в толстенный письменный труд, который никто никогда не прочитает. Кроме учеников уважаемого Зинг Ян Би, конечно.

Гоудань считал, что учитель тратит большую часть своего времени, отыскивая таких ненормальных и покупая их труды, только ради того, чтобы поиздеваться всласть над учениками.

Другие ученики, пришедшие одновременно с Гоудань или позже, уже выполнили свое первое задание и начали независимую карьеру, лишь Хе продолжал бегать по поручениям учителя.

Возможно, это было связано с его невысоким талантом всего лишь в двадцать три единицы, но Зинг Ян Би[2 - Зинг Ян Би (кит) переводится как умудренный опытом господин.] часто повторял, что магию в сыском деле используют лишь неудачники. А потом добавлял, что полностью избегают магию только тупицы. Вот и пойми, что лучше. Впрочем, учитель любил озадачивать учеников противоречивыми словами.

- Покажите ваши таблички! - послышался грубый голос. Гоудань поморщился, но достал из-за пазухи именную табличку, на которой было высечено его имя, город, откуда он выехал, и цель прибытия. С другой стороны таблички было написано имя Зинг Ян Би, как главного поручителя.

- В какой район направляетесь? - спросил стражник, когда очередь дошла до Хе.

- Я приехал по делам вашего мэра, поэтому, полагаю, направлюсь в Белый район, - вежливо откликнулся Хе. Стражник окинул его взглядом с головы до ног и покачал головой:

- Вам бы сперва ополоснуться да переодеться, иначе могут и не пропустить.

- Благодарю за совет. Так и поступлю.

Повозки направились влево, а Хе Гоудань, отдав последнюю часть платы за проезд, направился пешком в центр города, к Белому району.

Хотя было бы нечестно по отношению к учителю утверждать, что именно Зинг Ян Би затягивает с первым делом для Хе, просто предложенные им варианты были мелковаты. Например, дело о пропавшей цикаде: к учителю пришла старушка и попросила отыскать ее домашнюю цикаду, мол, она плохо засыпает без ее стрекота. На вопрос об особых приметах женщина ответила так: «Она так сладко поет. Один раз услышишь – и ни с чем уже не спутаешь».

В результате дело отдали Линг-эр, но ленивая девчонка даже не попыталась отыскать пропавшее насекомое, вместо этого она начала притаскивать старушке по десятку цикад в день «на опознание». Хе Гоудань уехал прежде, чем это закончилось, но ему и сейчас было любопытно, кто сдался раньше: упрямая бабуля или безответственная Линг-эр.

– Покажите ваш пропуск, – высокий мужчина в белых одеждах преградил путь сыскарю.

– У меня вызов от вашего мэра на имя Зинг Ян Би, – времени и так прошло слишком много, и Хе, застоявшись во время поездки, рвался поскорее взяться за дело.

Стражник, больше походивший на важного чиновника, проверил записи и, поклонившись, распахнул ажурные металлические ворота, явно пропитанные охранной магией. Хе уточнил, как добраться до дворца, и направился дальше.

Про заказ, пришедший из далекого города под чудным названием Цай Хонг Ши, Хе Гоудань узнал случайно, во время уборки в доме учителя: свиток, красиво опоясанный темно-синим шнурком, закатился под книжный шкаф и уже начал обрастать паутиной. Зинг Ян Би небрежно отмахнулся от ученика со словами:

– Хотят, чтобы я нашел какого-то мальчишку.

Поиск человека! У Хе Гоуданя загорелись глаза: такие дела встречались нечасто и положительно влияли на репутацию сыскаря, в случае удачного завершения, конечно.

– Учитель, разрешите мне взяться за поиск!

– Не говори глупостей! – рявкнул Ян Би. – Это тебе не цикаду искать. К тому же, – спокойно добавил он, – славы тебе это дело не принесет. Там печать со знаком секретности.

– Уважаемый учитель сам хочет вести поиск? – за одиннадцать лет Гоудань наловчился говорить с Ян Би подобающим образом.

– Не знаю. Не думал. Сыск нужно будет проводить не в столице, месяц добираться до того города, месяц – обратно. Слишком много времени впустую, хотя и оплата соответствующая. Впрочем, – погладил бороду Ян Би, – может, ты и прав... Но готов ли ты?

– Уважаемый учитель знает своего недостойного ученика лучше, чем он сам. Я приму любое ваше решение, – поклонился Гоудань, с трудом скрывая нетерпение и азарт.

– Хмм, хорошо. Я отпишу им, что принимаю заказ. Подробности дела узнаешь у клиента лично, тут лишь общее описание задания и сумма оплаты.

Два дня ушло на сборы, один день – на поиски подходящего каравана, неделя – на ожидание отправки, двадцать восемь дней поездки – и вот Хе Гоудань, будущий лучший сыскарь во всей империи, подходил к дому своего первого клиента.

Сам Хе родился и вырос не в самом фешенебельном районе столицы, да и учитель, следуя старинным канонам, выкупил дом чуть ли не на окраине, среди приземистых домиков ремесленников, и надо было видеть лица знатных людей, когда те приезжали за услугами учителя. Так что юный сыскарь не был знаком с жизнью богачей, и ему пришлось собрать все свое самообладание, дабы не выглядеть жалким деревенщиной, засматривающимся на чистейшие улицы, вымощенные белым мрамором, на изящные фрески на стенах домов, на запахнутые окна, из которых слышалась красивая музыка или пахло тончайшими ароматами дорогих сортов чая.

Люди тут ходили неспешно, вежливо раскланиваясь друг с другом, Хе не сразу понял, что большая часть из них – обычные слуги. Только когда мимо проплыли резные позолоченные носилки, он понял, что даже столь дорогая мостовая недостойна касания ступней местных жителей.

Хе провел ладонью по рукаву, успокаивая вздыбившиеся волоски на руках, – первый признак того, что воздух тут пропитан магией. Магия сочилась из ажурных нитей ограды, от одежд прохожих и от снисходительных улыбок девушек.

Гоудань вдруг пожалел, что пренебрег советом охранника и не переоделся с дороги, но отступить не стал.

Он дошел до ярко-красного дворца с позолоченной крышей. Его стены отражались в полированной глади мрамора, и казалось, что улица перед дворцом залита лучами закатного солнца.

Табличка с именем Зинг Ян Би вновь оказала свое волшебное воздействие: мужчина в белоснежной тунике поклонился Хе Гоуданю, повел в кабинет к заказчику и молча открыл перед ним дверь.

Хе вошел и, несмотря на всю свою подготовку, обомлел. Этот запах! Учитель как-то собрал своих учеников и отвел в мастерскую к лучшему плотнику столицы, где они смогли пощупать, посмотреть и понюхать самые редкие и самые дорогие виды древесины, в том числе и баньян. Несмотря на грубоватую текстуру и грязно-желтый цвет, это дерево считалось одним из драгоценнейших ресурсов наряду с золотом. А здесь баньяном были обиты стены! Даже если это были лишь тончайшие срезы дерева, покрывающие обычные доски, стоимость кабинета получалась выше, чем цена за дом учителя целиком, включая библиотеку.

Теперь Хе не сомневался, что заказчик смог бы оплатить и работу самого учителя.

Сидящий в кресле мужчина с грубоватыми чертами лица хлопнул себя по колену и обратился к скромно стоящему в углу человеку:

– Мин Чинь, а я думал, что уважаемый Зинг Ян Би будет немного постарше.

Мин Чинь спрятал руки в широкие рукава и мягко произнес:

– Это не Зинг Ян Би, но я не сомневаюсь, что молодой человек нам все объяснит.

Хе Гоудань почувствовал, как волосы на руках вновь поднимаются, и его охватил непонятный страх перед сидящим мужчиной. Хе быстренько проанализировал его позу, взгляд, затем пробежался глазами по амулетам, но не нашел причины для страха, затем юноша внимательно посмотрел на потолок и мысленно усмехнулся. Надо же, мода на изделия Ими Яна добралась и сюда!

– Приветствую уважаемых и прошу прощения от имени моего учителя, Зинг Ян Би, – учтиво, но с достоинством поклонился Хе. – К сожалению, учитель не смог лично заняться вашим делом, но и оставить без внимания столь высокочтимых господ он также не мог, поэтому прислал этого недостойного ученика в надежде, что его слабые умения и силы помогут отыскать желаемое.

Мужчина вновь обратился к Мин Чинь:

– То есть он еще и неумеху какого-то прислал?

– Хи Донг давно не бывал в столице и отвык от уважительных речей, – обратился к растерявшемуся сыскарю Мин Чинь. – Добро пожаловать в наш город! Разрешите представить вам мэра города – Хи Донг, мое имя – Мин Чинь, и я – скромный министр магии. Именно я предложил обратиться за помощью к вашему почтенному учителю, чья слава докатилась до небес.

– Хе Гоудань, к вашим услугам, – поклонился юноша.

– Гоудань? – закричал Хи Донг. – Гоудань?! Это имя или прозвище? Сейчас в столице принято называть детей именно так?

Мин Чинь чуть заметно улыбнулся, скользнул к мэру и шепнул ему что-то на ухо. Хе же покраснел от гнева и стыда. Давно уже он не испытывал этих чувств, пожалуй, с того самого дня, когда учитель взял его в свой дом.

Да, мать Хе была родом из глухой деревни, где еще сохранились старинные суеверия. И одно из них гласило, что ребенка нужно назвать каким-то мерзким или позорным именем, тогда Тени из Пропasti подумают, что ребенок нежеланный, нелюбимый, и не будут его трогать. «Гоудань» означает «собачье яйцо», и юный Хе не раз думал в детстве, что лучше быть сожранным тенью, чем жить с таким именем.

Учитель обещал, что после первого оконченного дела даст Хе новое имя, и оно будет зависеть от того, как ученик справится с заданием. Потому-то Гоудань и не торопился хвататься за первую попавшуюся работу. Что за имя учитель может дать ловцу цикады? Иволга? Скворец? Нет, Хе мечтал о чем-то возвышенном и героическом, вроде Вейшенг (рожденный великим) или Ийнгджи (героический).

– В письме говорилось, что вам нужно отыскать какого-то мальчика, – сквозь зубы процедил Хе.

– Суть в том, – Мин Чинь выпрямился и снова замер в картинной позе, – что Хи Донг и я обратились к уважаемому Зинг Ян Би не только потому, что ваш учитель невероятно искусен в своем деле, но и потому, что он всегда бережно относится к тайнам клиентов.

– Я придерживаюсь тех же принципов, – сказал Хе.

Мэр и министр переглянулись, и Хи Донг кивнул.

– Что ж, мой дорогой друг, – Мин Чинь подошел к Гоуданю и провел рукой перед его лицом сверху вниз, – мы готовы нанять вас. Вот только не низковат ли ваш талант? Справитесь ли вы? Наши люди так и не смогли найти этого мальчика.

Сыскарь снова почувствовал всплеск гнева. Сначала эти провинциальные чиновники поиздевались над его именем, затем намекнули на неопытность, а сейчас говорят о том, что он бездарен? Хе уже хотел было послать заказчиков в Пропасть, но вдруг задумался, а с чего это он так бурно реагирует на заурядные в общем-то слова. Подначки насчет имени не трогали его уже лет восемь, сомнения по поводу опыта и мастерства закономерны, так откуда эти странные приливы злости?

И тут Гоудань вспомнил про люстру. Видимо, мэр перестал нагонять на него страх и вместо этого начал провоцировать на гнев. Любопытно!

Хе успокоился, расслабился и с улыбкой ответил:

– Как говорит мой учитель, в сыском деле магию используют лишь неудачники. Зинг Ян Би также не одарен высоким талантом, но его способностям доверяют даже столичные маги с талантами, достигающими невероятных вершин.

Хи Донг вдруг расхохотался, сидя в своем углу:

– Он подходит, Чинь, берем.

– Тогда я расскажу вам о нашем деле, – мягко откликнулся министр.

Глава 2

Городская стена, отделяющая Зеленый район от Леса, выглядела не такой массивной, как в Черном районе, но на ее внутренней стороне были выбиты сложные закрученные печати, сплетенные в единый массив. Я попытался было разобраться в структуре массива, но понял, что мне не знакомы даже печати, из которых он состоит. Несколько печатей походило на те, что я использовал для своей защиты, только в усложненном варианте, с множеством дополнительных элементов.

Для поддержания этого массива, скорее всего, используется немалая доля Ки, взимаемая с городских жителей.

Мастер упоминал, что массивы не обязательно рисовать при помощи Ки, что печати можно наносить и на предметы и даже на тело, но как именно это делается, я не знал. Достаточно ли просто нарисовать нужные линии или требуются какие-то дополнительные действия?

Ведущий каравана, хмурый настороженный дядька пятидесяти лет, показал стражникам у ворот табличку-пропуск, и мы, наконец, выехали из города.

Ближайшие деревья росли за несколько сотен метров от стены, и караван мог выстроиться в нужном порядке без особых помех. Глава охраны, загорелый мужчина с улыбочивыми глазами и легкой небритостью, проехался вокруг повозок, поговорил с каждым из своих подчиненных, потом добрался до меня:

– Так, Зеленый, вижу, с лупоглазом ты уже поладил. Твоя задача на сегодня и любой другой день – дальняя разведка. Говорю понятнее: ты должен ехать перед караваном, примерно в десяти минутах. Если ты остановишься, то первая повозка должна появиться лишь через десять минут. Уразумел?

Я кивнул, хотя понятно мне было не все. Например, почему новичка, впервые выехавшего из города, выставляют вперед, ведь я не знаком ни с дорогой, ни с грядущими опасностями, да по легенде я и Лес-то должен знать исключительно по лекциям в университете. Но возражать я не стал. Чувствовалось, что этот добродушный на вид парень способен на жесткие решения и действия.

– Летящий? – чуть повысил голос он, и тут же из-за спины послышался отклик:

– Да, Хозяин?

Глава охраны поморщился как от неприятного запаха:

– Снова? Я же запретил...

– Конечно, Хозяин, – еще шире улыбнулся Летящий, – как скажете, Хозяин.

– Ты едешь с Зеленым в авангарде. Объяснишь ему, что к чему.

– Может, лучше Змей? – расстроено протянул мечник.

– Ты, – отрезал глава охраны и ударил пятками бока своего лупоглаза.

Я почувствовал, как меня потихоньку охватывает паника.

Из-за низкого таланта я не посещал школу, и друзей-ровесников в детстве у меня также не было. Стоило только выйти на улицу и попроситься в игру, как на меня обрушивалась лавина насмешек и издевательств. Мама говорила, что неуверенным в себе людям всегда нужен кто-то слабый, тогда они ощущают себя сильнее и значительнее. Может, она и права, но легче мне от этого не становилось. Поэтому с малых лет я привык к одиночеству, целыми днями разыгрывал настоящие театральные представления по маминым сказкам, только

вместо кукол у меня были ложки да вилки, обмотанные разноцветными тряпками.

После смерти мамы я долго не мог заставить себя выйти на улицу и купить продукты, от одной мысли о прогулке мне становилось дурно, и лишь на третий день грызущий голод заставил дойти до ближайшей лавки, купить немного риса и яиц.

Я знал, что должен найти работу, но как это делается? Нужно ли подходить к лавочнику лично или есть какой-то знак на лавке, показывающий, что тут нужен человек? Я вдруг обнаружил, что знаю про реальную жизнь ничтожно мало. Каждый вечер мама говорила со мной, учила чтению и письму, немного счету, рассказывала бесконечные истории, причем я не всегда понимал, сказки это или быль. Это было интересно, но, как оказалось, совершенно бесполезно для жизни.

Возможно, меня не брали на работу не из-за бесталанности, а потому что я не умел нормально общаться с людьми. Перед тем, как войти в лавку, я минут десять кружил перед входом, собираясь с духом и проговаривая про себя слова, потом вваливался внутрь и выпаливал вызубренную речь. Пару раз я входил не вовремя, мешая покупателям, и меня выкидывали наружу, после чего было еще сложнее решиться на повторную попытку.

И я сдался. Пошел распродавать вещи, но и в этом деле я не преуспел. Уверен, что тот же Байсо сумел бы продать их дороже реальной стоимости, я же, не умея торговаться, отдавал их практически за бесценок.

В Черном районе мне показалось, что прежние страхи ушли, рядом всегда был либо Байсо, либо Пинь, меня там принимали тепло, невзирая на печать, невзирая на неумение общаться. К тому же звание личного ученика Мастера также играло свою роль.

Сейчас Байсо рядом нет. Мастера нет. Лишь пустынный лупоглаз под седлом. И меня отправляют вперед каравана, и я страшно боялся ошибиться. А вдруг я снова что-то упустил? Вдруг все горожане знают, чего ждать в лесу и что нужно делать?

– Ну что, Юсо, поехали? – Летящий смотрел на меня с неизменной полуулыбкой. – Ты будешь впереди, я сразу за тобой. И да, поставь защитный барьер.

– Ты не видел моего брата?

– Он поедет в фургоне, вместе с торговцами. Лупоглазы у нас только для охраны. Ну что, поехали?

Я медленно сплел массив из четырех печатей, как и во время турнира. Сначала я хотел сделать более прочную версию массива, укрепив его дополнительными печатями, но Летящий, несмотря на внешнее безразличие, внимательно посматривал в мою сторону.

По легенде Ки в кристаллах я потратил во время турнира, и там остались лишь крохи, но если я буду создавать массивы за счет своей Ки, то это будет слишком подозрительно. Значит, я должен стараться сохранять целостность массива как можно дольше.

– Я готов, – сказал я, Летящий улыбнулся чуть шире, чуть наклонился, уступая мне путь, я слегка ударил пятками Пинь и выехал на дорогу.

Летящий, как и говорил, ехал немного позади, от чего мне было не по себе. Казалось, что его взгляд пронзает мне спину, даже между лопатками зачесалось. Я поерзал в седле и украдкой обернулся: юноша вытащил один из своих мечей и протирал его тряпочкой. После этого я смог немного расслабиться и начать следить за дорогой.

Перед тем, как въехать в гущу деревьев, я надергал пихтовинки, протер открытые участки кожи ее соком, и подлетающие кровавые бабочки отшатнулись от ее резкого запаха. По словам Пинь, это будет действовать час-полтора.

Помимо пихтовинки я взял несколько прутьев, нарезал длинные крепкие листья безвредного плетуна, сел обратно на лупоглаза и начал переплетать прутья листьями, формируя широкую шляпу в виде конуса. Когда шляпа была готова, я сразу надел ее, закрепив при помощи одного из листочков под подбородком. Малышка Пинь потратила несколько вечеров, обучая меня этой премудрости, мои первые творения разваливались прямо в руках, рассыпались на голове или оказывались бесполезны из-за слишком широких прорех между листьями.

Через несколько минут я услышал то, что и ожидал: нежное гортанное курлыкание розовых вяхирей, или, как их называла Пинь, пернатых вонючек. Сами по себе эти небольшие птички опасны не были, они питались падалью или полупереваренными останками и не нападали на животных, но и голодать они также не любили. Поэтому, завидев возможную жертву, они налетали на нее и закидывали пометом, чей запах как раз и привлекал хищников.

Простейший способ борьбы с ними – это сплести себе такой головной убор и подранить нескольких птиц, как правило, после этого вяхири отступают, и испачканную шляпу можно выбрасывать.

Я снова оглянулся: Летящий беспечно покачивался на своем лупоглазе и даже не думал беспокоиться насчет вяхирей. Может, я что-то делаю не так? Но эти птицы появлялись уже на третьей тренировочной тропе, и я хорошо помнил их голоса.

Курлыкание становилось все громче и интенсивнее, и вот уже первое розовое пятнышко мелькнуло меж ветвей, второе, третье, затем небольшая стайка метнулась в мою сторону, я напрягся, сжимая рукоять ножа и думая, как добраться до них со спины лупоглаза, как вдруг сзади вылетел камешек и сшиб одну из птиц. Летящий? Когда он успел?

Обоерукий мечник закидал стайку камнями, и пернатые вонючки исполошенно вернулись в лес. Я обернулся, чтобы поблагодарить его.

– Не стоит, – отмахнулся Летящий. – Ненавижу этих тварей. Остальные хотя бы сами нападают, а эти, как доносчики, гадят исподтишка.

На удивление, дальше дорога была спокойной. Кровавые бабочки махали крыльями на границе запаха от пихтовинки и не приближались более, растения росли поодаль от дороги и не могли нам навредить, а величина и масса лупоглазов оберегала нас от мелких хищников. Не каждый зверь решится нападать на такую тушу.

Я успокоился, расслабился и наконец, ощутил то, что не замечал ранее. Боль. Края деревянного седла впивались в бедра и потихоньку стирали там кожу. Я испуганно глянул на штаны, крови пока не было, но по ощущениям там уже выросли огромные мозоли, готовые лопнуть. Низ спины при каждом шаге

лупоглаза легонько стучался о спинку сиденья, и я готов был поклясться, что сейчас у меня на спине огромный синяк.

Может, стоит подложить что-нибудь мягкое? Но что? Все мои вещи остались в мешочке у Байсо, кроме ножей и кожаной бутылки с водой, у меня ничего не было.

Я снова покосился на Летящего. На нем были крепкие кожаные штаны со специальными вставками между ног, а седло явно было покрыто чем-то мягким. Я же остался в легких тряпичных одеждах зеленого цвета – студенческой форме, подходящей только для прогулок по городу.

Немного подумав, я влил немного Ки в больные места, подстегивая заживление, но это дело небыстрое, а полноценно лечить я не умел, для этого нужно разбираться в устройстве человеческого тела. И снова я уперся в нехватку знаний. При неисчерпаемых запасах Ки я не мог полноценно использовать магию и чувствовал себя, словно умирающий от жажды на краю крутого обрыва над рекой. Вот бы я мог превратить тонкую ткань в плотную замшу или изменить форму и материал сиденья! Но это сложно и, скорее всего, энергозатратно, не уверен, что мне помог бы даже полный кристалл с Ки.

Сосредоточившись на своих проблемах, я чуть не прозевал нападение. Только что было все спокойно, как вдруг на массив обрушился целый рой, состоящий из крупных, с палец величиной, жуков. Пинь яростно замотала головой и защелкала пастью, заглатывая сразу по несколько насекомых, я же замер, растерявшись, и лишь потом вспомнил про усиление ветра, успешно смахнувшее их с дороги.

Жуки-крокодилы также встречались на третьей тропе, и проще всего было отмахнуться от них куском шкуры с густым мехом. Их резные длинные жвалы, расположенные вертикально, запутывались в меху, и жуки становились неопасны. Но это в Черном районе малышка Пинь старательно подготавливала под меня все необходимые материалы, а здесь... Здесь мои вещи болтались на поясе у Байсо, который преспокойно сидел в безопасном фургоне.

Через несколько часов, за время которых мой массив истощился практически полностью, Летящий крикнул:

– Скоро меня сменят. Тебе что-то нужно из каравана?

– Мешок с вещами от моего брата. Кусок плотной кожи на седло. Чего-нибудь перекусить, – выпалил я разом. Парень махнул рукой и помчался в обратную сторону.

Я же спрыгнул с седла, распустил остатки массива и быстро-быстро принялся сплести более прочный массив, из шести печатей, затем ножом срезал выпирающие части седла и устелил его толстыми мягкими листьями. Запрыгнул в седло и буквально через несколько минут ко мне подъехал узкоглазый лучник, тот самый, с которым я сражался в третьем туре. Он молча протянул мне увесистый мешок, Байсо все же не отдал выигранный драгоценный мешочек и ограничился передачей старой котомки, и устроился также позади.

Не стесняясь, я вытащил тонкое одеяло и накинул на сиденье: внутреннюю поверхность бедра жгло болью уже так давно, что, казалось, у меня там язвы вплоть до кости.

С лучником ехать было легче, чем с Летящим, так как из леса стали показываться более крупные животные: пару раз с веток падали змеи, налетали птицы с крючковатыми когтями, а однажды нас обстреляло острыми ядовитыми плодами хищное дерево, и стрелок успевал выпустить одну-две стрелы, сбивая атаку.

Но в целом, дорога казалась не столь опасной, как я думал раньше. Пока ее сложность укладывалась в рамки четвертой тропы от Мастера, возможно, так было из-за близости к городу, но скоро могло все измениться.

Солнце скрылось за густой листвой, и потихоньку начинало вечереть. Лучник, чьего прозвища я так и не узнал, подъехал ко мне и жестом показал сворачивать. Среди мохнатых коричневато-серых стволов мелькнула узенькая тропка, по которой едва-едва бы могла проехать телега.

Я удивился, но подчинился и свернул на тропу, обрубил несколько паутинных нитей, зачистил осиное гнездо, расположившееся слишком близко к земле, и выехал на небольшую поляну.

– Привал, – сухо бросил лучник, а сам внимательно объехал поляну несколько раз, проверяя безопасность, затем спешился и прошелся пешком, выдергивая и

отбрасывая в сторону какие-то растения.

Спустя десять минут подъехал и сам караван, фургоны поставили в центре поляны, охранники втянулись вслед за ними, несколько человек сноровисто вытащили моток веревки и опоясали всю поляну по краям, следом прошел один из торговцев и через равные промежутки повесил на веревку какие-то предметы. Когда я подошел поближе, то увидел, что это небольшие таблички со странными символами, и при просмотре через амулет чувствовалось, что от них веет магией.

– ШенШенШенШен!!!! – раздался знакомый голос позади. Байсо выскочил из фургона и, окинув взглядом стоянку, бросился ко мне. – Как твой первый день работы? Ты целый, живой? Как лес? Тебя никто не покусал?

– Пока все хорошо, – улыбнулся я и сполз с сиденья. Ноги после многочасовой езды отказывались выпрямляться, колени свело, и я рухнул прямо рядом с Пинь. Лупоглаз ткнулась мордой мне в плечо и распахнула пасть, демонстрируя набор острых зубов.

– Ого, верхом ездить, похоже, не так забавно, как я думал. А я вот даже поспал немного, – улыбался мальчишка. – Ты идти-то можешь? Вот там мясо раздают, думаю, тебе тоже нужно покормить свою ящерицу.

С трудом я все же поднялся и поковылял к раздаче. Двойной Шрам, не выпуская копья из рук, легко спрыгнул со своего лупоглаза, оценивающе посмотрел на меня и протянул маленькую деревянную коробочку:

– Смажь мозоли, иначе завтра не сможешь сидеть.

Я удивленно посмотрел на него, но мужчина лишь усмехнулся.

– Ого, вы подружились со Шрамом? – спросил Байсо.

Со скрипом я покормил Пинь, смазал неведомой мазью свои раны, получил свою порцию еды и устроился неподалеку от крупного огненного камня, на котором кипятили воду для чая.

Насколько я мог судить, все охранники, поступившие вместе со мной в караван, уже успели подружиться со старожилками, Двойной Шрам хохотал неподалеку с мечником, которому продул во время турнира, другие также спокойно общались, лишь Швабра с неизменным посохом сидел поодаль один.

Глава охраны по прозвищу Добряк подошел к нам и назвал порядок дежурства на ночь, меня в списке не было, как, впрочем, и Летящего. Скорее всего, те, кто едет в авангарде, освобождались от ночных бдений.

– Завтра поедешь также, – единственное, что сказал мне Добряк. Я озадаченно покрутил головой, что за странное отношение? Почему я снова еду в авангарде? И вдруг уловил сочувствующий взгляд Шрама, он едва заметно улыбнулся мне краем рта и резко отвернулся.

Ощущение было такое, словно Шрам знает что-то очень неприятное, например, о моей неизлечимой болезни, но не хочет об этом говорить, чтобы не расстраивать.

Я уже почти собрался поговорить с ним, как рядом плюхнулся Байсо.

– Я не представлял, что быть учеником торговца так сложно, – пожаловался он. – Джин Фу всю дорогу меня мучил вопросами и задачами, у меня аж голова распухла.

– Но тебе понравилось, – утвердительно сказал я.

– Ага, – мальчишка откинулся и посмотрел в небо, – а еще он показал мне карту, знаешь, бумагу, на которой нарисован весь наш путь от Цай Хонг Ши до столицы, и еще там были другие города и реки, и горы, и пустыни. Вот вроде бы просто бумага с непонятными рисунками, а с другой стороны, это целый мир. Я пока не умею правильно читать карту, но увидеть мир размером со стол было как-то... неожиданно. И знаешь, наш город такой маленький, просто маленькая башенка размером с ноготь, и не видно, где там Серый район или Черный.

А вообще Джин Фу пообещал научить меня стольким вещам!!! Языкам, магии, картам, быстрому счету, – и все это надо выучить за несколько месяцев.

– Почему так быстро? – нахмурился я. Учеников обычно готовят медленно, годами передавая свое мастерство, бывали случаи, когда мастера специально затягивали ученичество, не желая лишаться дармового работника. Мастер меня обучал всего лишь три месяца, но, как он и предупреждал, я не стал его полноправным учеником, он лишь преподавал мне некоторые основы. Уверен, что познания Мастера простираются выше небес, и я смог ухватить лишь клочок облака.

Байсо наклонился ко мне поближе и шепнул:

– Мне пока не говорят, но, кажется, он не просто так за меня схватился на турнире. Зачем-то я ему нужен, и пока я не знаю, зачем. И учти, тебя тоже взяли в караван не просто так. Я видел, как Джин Фу обсуждал что-то с Добряком и пару раз взглянул на меня. Так что будь начеку.

Я усмехнулся:

– Байсо, о чем ты? Начеку! Я еду впереди каравана, каждая тварь первым делом кидается на меня. Конечно, я буду начеку.

Глава 3

Полночи я ворочался на месте, пытаюсь устроиться удобнее на жесткой подстилке, израненную кожу дергало от боли, и в те редкие моменты, когда я проваливался в дрему, особенно вредной пичуге в лесу приходило в голову пронзительно крикнуть.

Поэтому рассвет я встретил с облегчением и радостью. Торговцы уже затеяли завтрак, я удивился тому, что все бытовые вопросы они взяли на себя, оставив на охранников лишь их непосредственную задачу. Шрам уже радостно обливал себя водой из небольшого родничка на краю поляны, громко фыркая. Швабра, взъерошенный и обнаженный по пояс, проделывал какую-то замысловатую тренировку с посохом, то раскручивая его до полной невидимости, то замирая в неудобных позах.

Мне хотелось познакомиться и с другими охранниками, но все были заняты делом, и мне неловко было их отвлекать. Сонный угрюмый Байсо прополз мимо меня в сторону котла с закипающей водой, лишь буркнув:

- Сходи к лекарю, он тебе залечит рану.

Я мысленно хлопнул себя по лбу. Почему я раньше об этом не подумал? Не доставая кристалл из кармана, я сжал его рукой и чуть-чуть влил Ки. Может, лекарь не вспомнит, сколько Ки там оставалось? В крайнем случае, скажу, что потихоньку его пополняю по мере сил.

Худенький врачеватель встретил меня радушно и сразу попенял:

- Лечение охраны стоимостью до 50 единиц идет за счет каравана, так что больше не глупи и сразу приходи ко мне.

- А если будет дороже? - поинтересовался я, поеживаясь от неприятных ощущений при лечении.

- Если дороже, то я, скорее всего, не справлюсь с такими ранами даже за тысячу Ки. Если тебе оторвут руку, то закрыть рану я смогу, а вот приживить руку обратно - вряд ли. Тут нужен настоящий мастер. И, кстати, - добавил маг, - та мазь, которой ты воспользовался, помогает быстрее нарастить кожу, так что не пренебрегай ей.

Я поблагодарил лекаря и отправился за завтраком. Странно, а ведь Мастер упоминал в разговоре, что при наличии запаса Ки смог бы приживить руку Хион У. Значит, он не боевой маг, а маг-врачеватель? Но если он такой гений, то почему он довольствуется столь незначительной жизнью? У караванного лекаря талант в пятьдесят четыре единицы, и он не может справиться с такой задачей, тогда каков же талант Мастера? Семьдесят? Больше? А ведь помимо этого Мастер умеет выстраивать сложные массивы, сражаться с магическими зверями, организовывать людей, такой человек мог бы занять высокое положение даже в столице, если только... если только он не скрывается от кого-то.

Добряк, как и вчера, неторопливо прошелся по лагерю, раздавая каждому персональные задания, остановился около меня:

– Зеленый, сегодня едешь впереди, в напарниках Летящий и Змей посменно, – меня сбивали с толку его глаза: словно за него говорил какой-то другой человек, настолько не вязался холодный тон с добродушным выражением лица. – Если тебе не хватает Ки, то мы можем выделить тебе небольшой объем. Надо?

Я все пытался склеить воедино его образ и, сглупив, покачал головой. Он лишь хмыкнул и пошел дальше.

На дальнем конце поляны я отыскал свою Пинь, погладил ее чешуйчатую кожу и принялся пристегивать сиденье, заранее содрогаясь от грядущей боли.

– Дай помогу, – пробасил незаметно подошедший Шрам, в несколько движений пристегнул седло и взнуздal лупоглаза, затем медленно, словно сомневаясь в своих словах, сказал. – Ты, малыш, будь осторожнее. Добряк, он не просто так...

– О, а вот и мой сегодняшний напарник, – раздался веселый голос Летящего. – Снова сплетишь ту забавную шляпу?

От его легкой искренней улыбки по спине прошел озноб, я бы многое отдал за возможность побыть в паре со Шрамом вместо него. Но я стиснул зубы, рывком поднялся в седло и слегка ударил пятками в бока Пинь. Лупоглаз радостно рыкнул и пружинящим шагом направился к лесной тропе.

Снова резкий запах пихтовинки, снова конусообразная шляпа из подручных средств, снова жесткие края седла, прикрытые свернутым одеялом, которое так и норовило сползти, защитный массив из четырех печатей и длинные ножи на поясе.

И снова лес.

Сначала я хотел постоянно просматривать территорию при помощи амулета, но спустя несколько минут отказался от этой идеи, так как заболела голова. Видимо, к новому чувству ощущения магии нужно привыкнуть.

Привычные кровавые бабочки, несколько змей, бессильно ударившихся о массив... Я задремал, убаюканный покачиванием лупоглаза под собой.

– Берегись! Собаки! – крикнул Летящий и спрыгнул со своего животного.

Я вздрогнул, схватился за ножи и увидел справа первую мелкую тварь, бросившуюся в ноги к Пинь. Я слетел с седла и загородил лупоглаза. Странно выглядящее бурое животное с размаху врезалось в массив, я едва успел взмахнуть ножом и распороть ему горло. Из лесу донесся тонкий, на грани слышимости вой, от которого у меня свело живот, и тут же из-за деревьев вылетело еще несколько таких же собак.

Краем глаза я заметил, как Летящий несется в мою сторону, вращая мечи так, что они слились в сероватые полупрозрачные круги. Я отшагнул назад, закрывая спину лупоглазом, и принял низкую стойку: эти животные в холке были не более полуметра, а как говорил Хион У: «Если зверь ниже пояса, значит, у него защищены голова и спина, бей в горло. Если зверь выше пояса, у него защищены грудь и горло, бей в живот. Если тебе некогда измерять его рост, бей в глаза и уши».

Первая налетела слева, я едва успел повернуться, чтобы массив отразил ее атаку, резко взмахнул ножом и срезал лишь кусочек носа, но собака взвизгнула и отшатнулась. Пока этого было достаточно. Вторая – прямо, глухой удар о массив, вспорота шерсть на шее, крови нет, я сделал шаг вперед и воткнул нож в горло. Третья – снова слева, я почувствовал колебания энергетических нитей в массиве, отшагнул в сторону и резанул вдоль ребер, но кровь не брызнула. Что у нее там, броня? Я перепрыгнул псину и насадил следующую на нож.

– Вниз! – крикнул Летящий, о ком я уже успел забыть. Я резко присел, и над моей головой пронесся один из его мечей, распоровший прыгнувшую на меня собаку. – Держи массив.

Магические печати сдерживали основной напор, я снизу подрезал лапы, а сверху, как серебряные крылья колибри, мелькали мечи Летящего, отбрасывая и рая подбирившихся с боков тварей.

И вдруг все закончилось. Подраненные животные убежали в лес, часть нападавших осталась лежать на дороге, я, судорожно дыша, огляделся вокруг.

– Что это за звери? – спросил я, приподняв одно из животных за ногу. Приземистое, с узкой вытянутой мордой, похоже на собаку грязно-бурого цвета,

вот только на спине и боках вместо шерсти на нем были костяные пластины, а хвост усеивали мелкие колючки.

– Костяные собаки. Поодиночке не особо опасны, но охотятся, как правило, группами. Эта, кстати, была небольшая стайка, всего-то тринадцать голов, – Летящий брезгливо поднял одну собаку за хвост и расхохотался. – Знаешь, у караванщиков есть одна традиция: новичок обтягивает седло шкурой первого убитого в дороге животного. Думаю, у меня плохие новости для твоей задницы.

Я потыкал пальцем в твердую пластину и тоже рассмеялся, больше от облегчения.

Сзади послышался топот, к нам подъехали два охранника, один из которых был сам Добряк.

– Ну что тут? – холодно спросил он, умилительно сощурился.

– Стая костяных собак, но мы справились, Хозяин, – рапортовал Летящий. – У новенького теперь есть покрытие на седло.

Добряк взглянул на меня, наверное, это должен был быть презрительный или гневный взгляд, но его глаза, как и прежде, лучились добротой.

– Хорошо. Ки нужна?

Теперь я не сплеховал и кивнул, и Добряк перекинул мне маленький светящийся кристаллик емкостью не больше пятнадцати единиц.

– Кристалл потом вернешь, – после этого он развернулся и уехал, второй охранник подхватил ту собаку, на которую указал Летящий, и последовал за главой охраны.

– Ну вот, – с улыбкой сказал мне напарник, – сегодня вечером ждет тебя обновка. Есть у нас умелец, который из любой твари смастерит отличную накидку на седло. Хотя, что он сделает с пластинами?

Мы бросили трупы, как есть, Летящий сказал, что другие о них позаботятся, а нам нужно продолжать путь и выдерживать дистанцию.

– А как Добряк узнал о том, что на нас напали?

– Ну, тут все просто. У охранников, следующих поодаль впереди и позади каравана, есть вот такие сигнальные амулеты, – и Летящий показал мне на небольшой металлический медальон, в центре которого был миниатюрный фиолетовый кристалл. – Если на нас нападут, я должен послать сигнал, и сразу придёт подкрепление.

– Но их было всего двое. А если это будет, скажем, двуххвостая лисица?

– Двуххвостая лисица, – рассмеялся Летящий, – скажешь тоже. Их уже лет десять не видели в этих краях! Но если вдруг она появится, то я вкачаю в амулет побольше Ки, и Добряк сюда прилетит с десятком воинов. Хотя нам это уже, конечно, не поможет. Ну и учти, что Добряку эта стая была бы на один зуб. Он бы даже меч доставать не стал.

Значит, караванщики не знали о том, что лисица тут все же есть. Я хотел было предупредить Летящего о ней, но передумал. Возможно, после того, как Мастер прогнал ее, она покинула эти леса, так зачем лишний раз наводить панику?

Дорога становилась все хуже, то и дело Летящий останавливался и кончиком меча отшвыривал зеленые плети, несколько раз мы с ним оттаскивали крупные ветки, загораживавшие проезд. Лупоглазы легко перемахнут через них, но идущим сзади повозкам будет нелегко их преодолеть. Через упавшее дерево мы перебрались, но после него замедлили скорость, так как каравану понадобится не менее получаса, чтобы убрать его с дороги.

Солнце палило вовсю, пробравшись через густую листву на макушках деревьев, Пинь ощутимо разогрелась, но не выказывала признаков усталости. Летящий махнул рукой и сказал, что ему пора сменяться.

Я удвоил бдительность, не сводил взгляда с молодых зарослей и чуть не пропустил удивительное существо, выскочившее на дорогу в нескольких метрах передо мной. Небольшое, не выше колена, с длинным полосатым хвостом, розоватой пушистой шерстью и умильной мордочкой, на которой были выписаны

странные символы, отдаленно напоминавшие печати, которые впервые в жизни попытался нарисовать ребенок. Кончики шерстинок золотились на солнце, создавая ощущение светящегося ореола вокруг животного.

Оно подняло голову и внимательно посмотрело на меня, и я заметил три белые точки прямо под глазами, от чего выражение мордочки казалось смущенным и застенчивым. Я подумал, что, возможно, это такое же разумное животное, как и мехохвост, и спрыгнул с лупоглаза.

Осторожно, стараясь не спугнуть пушистика, я вытянул одну руку вперед и медленно начал идти в его сторону:

– Привет! Ты меня понимаешь? Какие интересные узоры у тебя на мордочке.

Животное наклонило голову набок, словно вслушиваясь в мои слова. Узоры стали видны четче, и казалось, что еще немного, и я узнаю печати, которые природа попыталась изобразить на этом зверьке.

– А ты владеешь какой-то магией? Может, как мой знакомый, пускаешь молнии? Хвост у тебя такой же красивый и гибкий, как и у него.

– Осторожно! – крикнул кто-то сзади. Я отвлекся и лишь краем глаза успел заметить, как милое существо с застенчивой мордочкой резко подпрыгнуло, взлетев до уровня груди и пыхнуло огнем. С ужасом я почувствовал, как массив, который так и не обновлялся с момента нападения собак, рассыпался, и резко пахнущее пламя охватило вытянутую руку. Мою руку.

Я слышал, как Змей, приехавший на смену, крикнул: «На землю!», смотрел, как он забрасывал руку дорожной пылью и песком, как поднял трупик животного, пронзенного тремя его стрелами, как подозвал моего лупоглаза и взвалил меня в седло, но чувствовал только грызущий огонь, с каждой секундой все глубже въедавшийся в мою плоть.

Обжигающая боль в щеке. Я дернулся и очнулся. Змей стоял рядом и внимательно смотрел на меня:

– Пришел в себя? Ты какого Дна полез к мускусному огнеплюю? Чему тебя в университете учили? Да еще с лупоглаза слез, идиот! Езжай к каравану, пусть тебя подлечат. Но сначала к Добряку, чтобы выслали тебе замену. Ты все понял?

Я ошарашенно посмотрел на Змея, потом кивнул и ударил Пинь пятками в бока, разворачивая ее обратно. Лупоглаз сразу набрал скорость и большими прыжками помчался к каравану, я держался за передний выступ седла левой рукой, правую же держал согнутой возле груди, и от каждого прикосновения к сожженной коже на глазах выступали слезы.

Подъехав ближе к повозкам, я заметил, что тут тоже было сражение. Охранники кружили около повозок, вглядываясь вглубь леса и шумно втягивая воздух, несколько повозок дымилось, хоть открытого огня видно не было. Кто-то из охраны хотел было меня остановить, но, увидев почерневшую руку, лишь махнул в сторону повозки с лекарем.

– Где Добряк? – выдавил я, помня наказ Змея.

– Езжай дальше, не пропустишь.

Несколько валяющихся трупиков огнеплюев дали понять, что тут случилось. Видимо, основная часть напала сразу на караван, а ко мне вышел самый любопытный и опоздавший.

Проезжая мимо очередного крытого фургона, я вдруг узнал голос Байсо:

– Но так нечестно! Вы не имели права! – мальчишка явно был чем-то возмущен.

– Что тебя не устраивает? Он хотел попасть в караван, он попал, – к удивлению, я узнал холодный тон Добряка. Байсо спорит с главой охраны?

– Но это же верная смерть! Как Шен сможет там продержаться целый месяц?

Шен? Это они обо мне? Из-за боли я плохо соображал и никак не мог собрать мысли в кучу.

– Его никто не заставлял идти в охрану, а тут я решаю, где и сколько он должен дежурить. Больше не о чем говорить!

Из фургона выпрыгнул Добряк. Увидев меня, он лишь спросил:

– На лечение? – и громко рявкнул. – Шрам, быстро в авангард к Змею!

Тут я не выдержал и грохнулся с лупоглаза. Последней проскользнула мысль, хватит ли пятидесяти Ки на лечение руки.

Глава 4

На следующий день после приезда в город Хе Гоудань познакомился с Синим и Серым районом, заглянул в центр приема Ки, где был обнаружен мальчишка, прошел со стражниками в место, где он жил. Только от кучи хлама там не осталось ничего, даже пепла.

– Так ведь дождей сколько было, вот все и смыло, – оправдывался полноватый пожилой страж.

– А когда, говорите, тут все сгорело? – вежливо спросил Гоудань, но внутри у него все кипело от злости. Хитрый, как пятихвостая лиса, Мин Чинь наговорил много, но сыскарь так и не понял, зачем мэру и министру понадобился нищий мальчишка с ничтожным талантом. Что-то они явно скрывали. Учитель любил повторять, что клиенты никогда не говорят всю правду. Возможно, и ту злосчастную цикаду искали не из-за сладкого стрекотания, а, например, потому, что на ее брюшке написано что-то важное.

– Давно уже. Вот как нам сказали его отыскать, так в тот вечер и сгорело. Сухарь видел эту каморку целой, да только это была просто свалка из гнилых досок и старых тряпок, а когда сюда пришли с магом-поисковиком, уже ничего и не осталось.

– А кто поджег, знаете?

– Уличные мальчишки говорили про незнакомого мужчину в оборванном халате, но потом его больше никто не видел.

Интересно. Хе Гоудань задумался: несколько месяцев мальчишка жил на улице без работы, без поддержки, питаясь на деньги, вырученные за продажу дома и мебели, но стоило ему дойти до крайней точки и пойти на сдачу Ки, понимая, что уже не сможет восстановить свои силы после этого, как он становится всем нужен, сразу появляются люди, готовые его прикрыть.

– Что-нибудь еще интересное в те дни случилось? Что-то необычное, о чем много говорили? – наудачу спросил Гоудань. Учитель говорил, что люди редко отвечают на вопросы с неопределенным ответом. Лучше всего задавать вопросы, на которые можно ответить лишь «да» или «нет». Но это был незнакомый город, незнакомые обычаи, незнакомые люди.

Чего только стоил их варварский закон о печатях на теле, которые говорили всем о размере таланта! В столице уже давно поняли, что размер таланта играет не столь важную роль. Нет, разумеется, человек с высоким дарованием быстрее найдет работу, ему легче устроиться на высокий пост, но талант ведь заключается не только в эффективности использования магии. В одном из университетов столицы есть гениальный профессор с талантом в тридцать единиц, который создал уникальные заклинания, требующие меньшего количества Ки, и сейчас ученики сражаются за право попасть к этому преподавателю.

– Да вроде ничего особенного, – почесал в затылке стражник. – Помимо этого психа (это ж надо такое придумать – ограбить центр Ки!) мы тогда еще бешеную псину искали. Прошерстили все переулки, и ни мальчишки, ни собаки.

Гоудань в очередной раз восхитился выдумкой министра. Судя по всему, мальчик чем-то заинтересовал властимущих именно после инцидента в центре сдачи Ки, но, насколько успел понять Хе после разговора с очевидцами, несчастный утащил всего двадцать монет, а человек, принимавший у него Ки, без вести пропал. У сыскаря была одна теория, настолько безумная, что даже могла быть правдой.

– Скорее всего, издохла где-нибудь. Хорошо хоть успела покусать лишь одного мальчика, – продолжил говорить стражник.

– А куда именно она его укусила? – внезапно заинтересовался сыскарь. – Это было в тот же день?

– Ну или в тот, или сразу после. А вы лучше спросите Лысого, он нам такого понарасказывал, приврал-поди.

После двухчасового разбирательства с журналом дежурств, причем большая часть времени ушла на выяснение полномочий сыскаря, на подтверждение подлинности магической таблички, выданной мэром, в которой было сказано о полном содействии ее подателю, на поиск начальства и на определение, который из трех лысых стражников – тот самый Лысый, Гоудань пришел к воротам между Серым и Черным районами.

– Бешеная псина? Как сейчас помню, – оживился старый стражник, заскучавший на дежурстве. – Еле идет, руку держит, а там кровящи... мясо торчит кусками, даже кость белеет. А он кричит: «Спасите! Помогите! Брат умирает!».

– Кто кричит? – не понял Гоудань.

– Ну как же, брат евонный. Мелкий такой, белобрысый, а орет так, что весь Черный район-поди слышал.

– А покусали кого?

– Ну так ведь брата этого белобрысого. Я ж говорю, весь в кровяще, рука в мясо изодрана.

– А какая рука? Плечо было видно?

– Эээ, ну вот он напротив стоял, значит, вот эта рука, – и Лысый ткнул кулаком в левое плечо Гоуданя, – плечо как раз и порвано до мяса.

Гоудань подумал, что стражник, наверное, голоден, раз так часто упоминает про мясо, вспомнил, что сам не ел с утра, и желудок заурчал от голода.

– И куда они пошли?

– Да куда они денутся? Сироты. Они ж к магу шли, а тот только и может сообщения посылать, а белобрысый ему в ноги кинулся, говорит: «Спаси братца!», а маг только морду кривит. Сказал, мол, выкиньте их в Черный. А мы ж против мага... сами понимаете.

– Значит, оба мальчика попали в Черный район, – задумчиво произнес Гоудань. – А обратно они не выходили?

– Нам запрещено обратно пускать. Жаль мальчишек, конечно, белобрысый уж так убивался, так плакал.

– А кровь на площади потом долго оставалась?

– Кровь? – удивился стражник. – Какая кровь?

– С руки покусанного мальчика. Раз у него так все в мясо было разодрано, – желудок снова сжался, напоминая о себе, – то и крови должно было вылиться много. Улицы тут вымощены травертином, как я погляжу, а это камень пористый, впитывает хорошо. Где они стояли?

– А-а-а, – стражник почесал лысину, – вот вы сейчас спросили, а я и не помню, чтоб кровь где-то оставалась. Помню, с дежурства тогда пошел, о пацанах этих думал, как они там в Черном-то выживут, да еще и с такой раной, а крови-то на камнях и не было.

Интересно. Хе Гоудань прикинул, сколько Ки потребует иллюзия раны? Конечно, все зависит от таланта человека, сотворившего ее, но даже при высоком мастерстве затраты довольно велики. Почему вдруг этот мальчишка стал так важен? Зачем ему понадобилось проникать в Черный район?

Сыскарь понимал, что мэр, скорее всего, знал о том, что мальчик в Черном районе, но не сказал. И это было логично: как еще проверить молодого столичного франта?

– Как я могу попасть в Черный район?

– Кхе-кхе, – закашлялся от неожиданности Лысый, – да зачем вам это? Там, говорят, такие ужасы творятся, похлеще, чем на Дне. А вы вон какой молоденький!

И правда, лучше сначала подготовиться. Гоудань направился в сторону дворца мэра, заодно планируя отыскать какую-нибудь лавку с едой.

* * *

– Пусть пока полежит в вашем фургоне, лекарь пока занят другим человеком.

Голоса доносились откуда-то издалека, я почувствовал, как меня взяли и потащили куда-то. Лекарь? Огонь, рука... И жгучая боль сразу же напомнила о себе.

– Шен, ты как? Это был огнеплюй? – перепуганный голос Байсо рядом. Я приоткрыл глаза и увидел темный полог фургона над головой и бледное лицо Старшего брата. – Сильно болит?

– Байсо... Что тут случилось? – сипло выдавил я. Очень хотелось пить.

– О, ты очнулся! Вот, пей, лекарь сказал, что будет не так болеть, – он протянул бутылку с мутной жидкостью, откуда знакомо пахло забытой травой. Пинь говорила, что если долго пить ее отвар, то можно забыть все на свете, даже собственное имя, но в небольших дозах она помогает отвлечься от боли и от горя. Не то, чтобы боль проходила, просто на нее уже не обращаешь внимания.

Я сделал большой глоток и вновь откинулся назад. Боль в руке продолжала грызть, словно пламя до сих пор сжигало плоть, но сейчас мне было даже любопытно ее ощущать, прислушиваясь к крошечным оттенкам. Например, я не чувствовал кончиков пальцев, но чем ближе к ладони, тем ярче и сильнее становились уколы.

– Шен, ты меня слушаешь? – Байсо с тревогой всматривался в мое лицо. – На вас тоже огнеплюй напал?

– А? Да. – после отвара говорить стало легче. – Пинь почему-то никогда не рассказывала про такого зверя. Он выглядел таким безобидным.

– Наверное, потому что их проходят на шестой или какой-то там еще тропе, – зло буркнул Байсо. – Зачем Мастер выгнал тебя так рано? Еще полгода-год, и ты дошел бы до восьмой, да и драться бы получше научился.

– Я сам виноват. Подумал, что смогу приручить.

– Приручить огнеплюя? – мальчик нервно рассмеялся. – Ты бы видел, как они налетели на караван! Сразу со всех сторон. Подпрыгивали и поливали огнем фургоны. Я хотел посмотреть, но Мастер Фу запретил мне высовываться. Так что я лишь успел заметить, как Швабра своим посохом расшвыривает этих тварей в стороны. А одному, кстати, новенькому, сожгло лицо. Лекарь с трудом спас ему жизнь, но уродом он останется на всю жизнь. Ничего, сейчас маг отдохнет и тебя вылечит. Добряк пообещал.

Добряк... Что-то я должен был сделать... что-то играло в памяти, связанное с Добряком. Что-то спросить? Сделать?

– Байсо, Добряк... он... – фургон мерно покачивался. Караван не остановился даже после такого нападения. А кто же ехал тогда впереди? – Мне нужно поговорить с Добряком.

– Не надо, – мальчик снова перепугался. – Не стоит.

– Мне на смену должны были... Там один Змей...

– А, да, не волнуйся. Он сразу Шрама отправил. А больше ты ничего не помнишь?

– Вы спорили... – меня начало клонить в сон, сказывались бессонная ночь и забытый отвар.

– Шен, не спи.

Я с удивлением заметил, что брат вот-вот расплечется, уголки его рта предательски подергивались и сползали вниз.

– А вот и наш лихой боец! – полог отодвинулся, и я поморщился от яркого света. В фургон вошел торговец, взявший Байсо в ученики, Джин Фу. – Товар почти не пострадал, не зря я пропитывал ткань огнеупорным составом, как знал, что огнеплюи нападут.

– Мастер Фу, я хочу рассказать брату всю правду! – громко заявил Байсо.

– Ты уверен, что ему сейчас это нужно? – мягко спросил торговец.

– Конечно!

– Тогда я сам расскажу. Юсо Шен, ты меня слышишь? Понимаешь?

Я кивнул и слегка стукнул обожженной рукой об пол, прогоняя дремоту. Яркая вспышка боли, такая прекрасная, такая острая, как горошина черного перца, попавшаяся в миске безвкусной каши, на секунду заставила забыть о разговоре, но Байсо ткнул меня в бок.

Торговец устроился на коврике рядом со мной, вытащил глиняную кружку, бросил в нее щепотку травы и налил воды. Спустя несколько мгновений из кружки начал подниматься пар, и по фургону разлился запах крепкого травяного чая. Джин Фу с видимым удовольствием отхлебнул глоток:

– Люблю этот отвар, – неторопливо сказал он, втягивая носом аромат напитка, – травы для него собирает моя жена своими руками, потом высушивает их, растирает и смешивает. Ингредиенты меняются редко, но точную пропорцию выдержать сложно, поэтому каждый раз получается новый вкус и новый аромат. И это прекрасно.

Когда мы проводим отбор в охрану каравана, первым делом мы смотрим на оружие кандидатов. Мечи, копья, лук и стрелы, ножи, – все это замечательно, но караван должен вести воин, делающий упор на защите: либо доспешный воин, либо со щитом. Впрочем, как показывает опыт, доспехи мало помогают в лесу против магических животных, взять того же мехохвоста, бьющего молниями, а вот щит в сочетании с умелым владельцем неплохо справляется и с когтями, и с огнем, и с многими другими видами атак.

В вашем городе кандидатов со щитами не оказалось. А ты, извини, на умелого воина не тянул совсем. Я привык, что в каждом городе несколько самоуверенных юнцов пытаются пройти отбор, для этого и нужен первый тур, но у тебя оказалось то, что нам нужно: умение формировать защитные массивы. Даже если бы ты рисовал их медленно или не всегда успешно, или бы плохо сражался, все равно. Массив можно нарисовать заранее, и он сдержит первую атаку, что как раз необходимо.

- Тогда зачем вы согласились на остальные туры?

- Я не смог отказать себе в удовольствии посмотреть представление Байсо, кроме того, Добряк предпочитает знать способности своих охранников, но мы позаботились о том, чтобы тебе попался не самый опасный зверь, а Змей мастерски умеет контролировать свои стрелы.

- То есть на самом деле я не прошел отбор? - почему-то эта мысль расстроила меня больше всего.

- Нет. Тебе и впрямь мог попасться зверь послабее, да и со Змеем ты показал себя достойно. Он мог бы утыкать тебя стрелами, пока ты приспособлялся и искал способ атаковать, но ведь нашей целью была не победа, а лишь проверка.

И вот передо мной встал сложный выбор: то ли использовать тебя так, как и планировали, то ли поберечь ради спокойствия Байсо. А ведь ты идеально подходишь для авангарда. С одной стороны, у тебя низкий магический талант, настолько низкий, что любой чувствительный к магии зверь в округе просто обязан напасть на тебя, и при этом довольно неплохой защитный массив. Даже если животное не обладает чутьем к магии, он скорее нападет на двух человек, чем на целую толпу. Это давно проверенный метод ведения караванов, и у него всего лишь один минус, - Джин Фу сделал паузу и отхлебнул остывший отвар.

- Понимаю, - сказал я и посмотрел на обгорелую руку. - В авангарде часто умирают.

- Верно. Наш предыдущий ведущий был очень хорош. Три перехода, он продержался три месячных перехода, даже Добряк уже начал привечать его, а буквально за пару дней до вашего города его порвал лунный кот. А если бы у него был не щит, а массив, то он остался бы цел. Шен, - Джин Фу отставил

кружку и внимательно посмотрел мне в глаза, – мы готовы снабжать тебя Ки, кормить лучшей едой и укладывать на самые мягкие одеяла, но ты должен продолжать вести караван.

– Нет, Шен, – закричал Байсо. – Посмотри на себя! Мы идем всего два дня, а ты уже ранен! А дальше будет хуже, верно? Мастер Фу, вы не можете так поступить!

– Когда же мы дойдем до столицы, я обещаю дать тебе рекомендации для поступления в университет. Байсо в любом случае останется моим учеником, но сможет ли он принять меня как своего Мастера, если будет считать твоим убийцей? Поэтому сейчас я смиренно прошу тебя принять правильное решение.

Глава 5

После разговора с Джин Фу мне стало намного легче. Объяснилось и отстраненное отношение Добряка, и жалостливые взгляды Шрама, и нежелание сближаться со мной у остальных охранников.

Если я правильно понял торговца, меня взяли только ради этого места в авангарде, как приманку, которая не сразу сдохнет, и Мастер, когда говорил о том, чтобы я показал на отборе защитный массив, знал, что меня возьмут только из-за этого. А значит, он думал, что я смогу справиться. А значит, я справлюсь.

Торговец сказал, что я буду на третьем месте в приоритете на лечение: после него самого и Добряка, хотя очередь может сдвинуться, если у кого-то будет смертельное, но излечимое ранение, как случилось сейчас.

Через пару часов после разговора меня отвели к лекарю, худенький маг, бледный от напряжения и усталости, потянулся за кристаллом с Ки, прикоснулся к моей израненной руке, и из черно-красных трещин хлынула желтоватая жидкость, корка взбугрилась и через несколько вдохов начала отваливаться, обнажая нежную, только что возникшую кожу. Только кончики пальцев остались слегка обугленными и без ногтей.

Лекарь откинулся назад в полном изнеможении:

– Все. Я сегодня больше не смогу... Ногти отрастут сами, ты по первости пальцы береги, там мясо и кожа сейчас едва-едва наметились. Смазывай их вот этой мазью, – лекарь протянул мне крошечную красную коробочку и небольшой моток узко нарезанной ткани, – и обязательно замотай их.

Я поблагодарил мага и отправился на поиски своего лупоглаза. Впервые за это время я увидел караван в движении: неторопливо едущие повозки, огромный фургон в конце, охранники, равномерно охватывающие всю процессию по бокам и сзади. У каждого было свое место, и лишь Добряк постоянно двигался и следил одновременно за дорогой и охранниками.

Увидев меня, обматывающего пальцы, он подъехал и сразу потребовал:

– Покажи руку! Сможешь ехать? Отлично! Твой лупоглаз в конце каравана, подожди его и смени Змея в авангарде. Не забудь про защиту!

Я кивнул и покраснел от стыда. Я пострадал от собственной глупости: забыл обновить массив и полез к незнакомому зверю. Отойдя в сторону, я взял кристалл с Ки, который мне дал Добряк утром, и медленно начал рисовать печати, сплетая их в массив, но более сложный и надежный, вот только что-то у меня не получалось. Я чувствовал напряжение, отдачу Ки и даже формирующиеся печати, но не было внешних проявлений ни одной линии.

Из чистого упрямства я довел массив до конца, израсходовав всю Ки из кристалла и даже прихватив свою, но массива видно не было. Я хотел попросить кого-то из проезжающих охранников кинуть в меня камень для проверки, но постеснялся.

Странно. Получается, что тонкая ткань мешает мне создавать массивы? Но почему тогда мне кажется, что печати создаются правильно, хоть и не видимо глазу?

Конец каравана приближался, я отбросил лишние мысли и принялся рисовать массив левой рукой, хорошо, что Мастер потребовал, чтобы я умел это делать обеими руками. Печати создавались, как и положено, с видимыми линиями, а после завершения массива исчезли.

Я нашел своего лупоглаза привязанным к последнему фургону. Пинь радостно поприветствовала меня утробным рыком и попробовала даже подпрыгнуть, но длина веревки не позволила. Я быстро отвязал ее, запрыгнул в седло и дал понять Пинь, что сейчас она может набрать любую скорость. Лупоглаз еще раз рыкнул и гигантскими прыжками понесся вперед, обгоняя неторопливые повозки.

Когда я нагнал авангард, то крикнул:

– Змей, Добряк сказал сменить тебя!

Узкоглазый мужчина посмотрел на меня, задержав взгляд на перемотанной руке, но ничего не сказал, лишь развернул свое животное и помчался назад, к каравану. Шрам же подъехал вровень и сказал:

– Похоже, тебе обо всем рассказали, раз разрешили ехать со мной.

– О том, что меня взяли как приманку?

– Ага. Будь внимательнее с ними. Джин Фу только кажется приличным человеком, но торговцы всегда врут, иначе как бы они зарабатывали на жизнь? А Джин Фу далеко не самый бесталанный торгаш. Он одними словами может довести человека до самоубийства, если будет нужно, а потом еще и переспит с его вдовой. Хотя, что я тебе говорю, твой брат отхлебнул из той же чаши, что и Джин Фу.

Я ведь с самого начала понял, для чего тебя берут, даже хотел предупредить. Видно ведь, что ты еще молодой, зеленый. Но тут влез твой брат, разозлил меня, спорить начал, а я ведь азартный... А потом, когда я успокоился, меня к тебе уже не подпускали. Только сегодня утром я успел кое-что шепнуть твоему брату.

– Да, спасибо. Благодаря Байсо я и узнал правду, и меня это не пугает. Я ведь на самом деле не лучший воин. А ты, кажется, уже ходил с караванами?

– Ха, малыш, да я чуть ли не всю страну исходил-изъездил, все на свой дом да на семью копил. Пару лет назад осел в Цай Хонг Ши, нашел достойную женщину, собирался уже жениться, а она взяла и вышла за другого. Запомни, парень,

женщины – это зло! – Шрам коротко хохотнул и продолжил. – Я тогда жуть как взбесился, запил, стал играть, и деньги, что собирал годами, спустил за несколько месяцев. Недавно очухался, а у меня только и осталось, что это копье.

– А амулет?

– Амулет я в кости выиграл у одного чудака, и уже на следующий день проиграл тебе. Видать, не держатся у меня в руках случайные вещи. Так что, малыш, держись своего брата, он хоть и мелкий, а далеко пойдет, особенно с этим Джин Фу. Это, знаешь, какая важная птица! Не только в караване, а и в самой столице не последний человек. Может, слышал про такой торговый дом как Дзин Хаотьян, Золотое Небо?

– Нет, – я внимательно слушал Шрама, так как беспокоился за Байсо.

– Хотя должен был. Это один из трех крупнейших торговых домов в стране, у них в каждом городе есть свои магазины и свои люди. И хотя официально они занимаются ювелирными украшениями, магическими амулетами и оружием, самые высокие прибыли они получают от торговли информацией. А Джин Фу – это сын главы торгового дома!

Я чуть язык не прикусил от неожиданности. Сын главы крупнейшего торгового дома взял в ученики мальчишку-сироту из мелкого города! На моих глазах! Интересно, а Байсо сам знает, кого называет своим учителем?

– Ты только особо губу не раскатывай. Джин Фу – не единственный сын, так что пока неизвестно, кого назовут наследником. Несколько лет назад говорили, что глава их при смерти, но судя по всему, он пока еще не помер. Я все это к чему говорю: держись брата и не вздумай всю жизнь потратить на охрану караванов.

– А почему ты другую работу не нашел? У тебя же такой высокий талант!

– Эх, малыш, – усмехнулся Шрам и переложил копье поудобнее. – Талант. А что в нем толку, если не дается магия? Посчитать затраты Ки на заклинание я еще худо-бедно могу, а вот отмерить, сколько нужно взять, сколько потратить, куда вложить, – ну не чувствую я. Сколько со мной в школе бились, а все без толку. Еще в детстве я чуть не помер, когда хотел суп сварить на огненном камне – слишком много вбухал Ки. Сам свалился и гляжу, как стол вспыхивает огнем,

насколько раскалился камень. Меня потом родители еле-еле выходили, лекарь сказал, что я очень живучий, другой бы точно помер от перерасхода Ки. Вот после этого отец забрал меня из школы и отдал в ученики к копейщику. А ты, я смотрю, больше по ножам?

– Меня обучали и ножам, и топору, но совсем немного. Могу копье кидать в мишень.

– Какой дурак основное оружие кидать будет? А дальше что, голыми руками драться? – рассмеялся Шрам.

– Так меня охотники учили. Там же главное – попасть в добычу, а не драться с ней.

Шрам задумался, а потом хлопнул себя по бедру, поморщился от боли, именно там его проткнул троерогий ешу, и сказал:

– Ладно, во время поездки буду тебя обучать, только не вздумай помереть. И гордись, ты у меня первым учеником будешь.

Я открыл рот от удивления. Мастер взял меня в ученики только из любопытства, желая побольше узнать о способностях идеального донора, Пинь и Хион У обучали меня по просьбе Мастера. А сейчас опытный воин сам предлагает ученичество.

В городе очень сложно найти человека, согласного взять кого-либо в ученики со стороны. Как правило, учениками становятся либо родственники, либо дети хороших знакомых, либо за большую плату. Мама очень хотела, чтобы меня кто-нибудь принял, водила к разным мастерам, но все наотрез отказывались, узнав о моем таланте, даже те, к которым из-за дурной славы или отвратительного характера никто и не напрашивался.

– У-у-учитель, я должен вас предупредить. У меня настолько ничтожный талант, что...

Шрам отвернулся и звучно высморкался:

– Как ты меня назвал?

– Учитель.

– Ха, надо же. Учитель! А звучит-то как: учитель Шрам! Талант не важен, главное, чтоб ты копьё удержать мог. Так что вечером после ужина и утром до завтрака я буду тебя обучать. Только подбери себе прямую палку в полтора роста, да покрепче. Это копьё я тебе даже в руки не дам, помню, сколько я в свое время копий переломал.

– Спасибо, учитель! – радостно выпалил я.

– Кхе-кхе, – закашлялся Шрам, – ты, главное, не помри.

Некоторое время мы ехали молча. Я пробовал сгибать-разгибать обмотанные пальцы, и то ли ткань была такой эластичной, то ли я так удачно их перебинтовал, но перевязка не мешала движениям и не разбалтывалась. Затем со скуки решил воспользоваться амулетом, настроенным на магическое зрение, и завопил:

– Берегись. Они повсюду!

– Кто? – Шрам перекинул копьё наизготовку и заозирался по сторонам.

– Наверху, на деревьях, крупные!

Я скинул травяную шляпу и начал вглядываться в лес уже без амулета. Сейчас мы ехали меж деревьев с красновато-бурой листвой. Деревья были не такими высокими, как прежде, и при желании я мог коснуться нижних ветвей.

– Готовься, – сказал Шрам. – Если б мы были одни, я бы предпочел удрать, они не так быстро передвигаются, но у нас за спиной караван.

И тут же сверху посыпались большие, размером с пятилетнего ребенка, обезьяны с красновато-бурой шерстью, в цвет листвы. Шрам умело отбивал их атаки быстро вращающимся кончиком копья, не сколько убивая их, сколько расшвыривая в стороны. Я же принимал всех обезьян на массив и размахивал

ножами, стараясь поранить.

– Берегись их шерсти, – успел крикнуть Шрам, и на спину ему упала одна обезьяна, обхватив шею своими лапищами. Воин захрипел, закинул руку за спину и, схватив животное за загривок, отбросил его в сторону. Несмотря на отсутствие видимых ранений движения Шрама сильно замедлились.

Пока я смотрел на своего учителя, одна из обезьян выбила нож из правой, забинтованной руки. Теперь я испугался по-настоящему. Приблизжалась очередная красноватая тень, и я бессознательно взмахнул правой рукой. Несмотря на то, что я едва успел коснуться шерсти, обезьяну отбросило с такой силой, что я услышал гулкий звон от удара ее тела о дерево.

Обезьяны все прибывали и прибывали, словно их сюда тянуло магнитом. Пинь приплясывала на месте, угрожающе разевала пасть и рычала, но почему-то не осмеливалась кусать нападающих животных. Копье Шрама стало двигаться еще медленнее, его буквально засыпало красноватыми телами, и спустя несколько мгновений Шрам вывалился из седла.

Успел ли он передать сигнал в караван?

Я спрыгнул с лупоглаза и, расталкивая животных при помощи массива и ножа, направился к Шраму, воткнул пальцы правой руки в гущу тел, обезьян снова разбросало в стороны. Я нащупал металлический амулет и влил в него изрядную порцию Ки, после чего встал над неподвижным телом Шрама, защищая его.

Казалось, что сюда сбежались обезьяны со всего леса. Куда бы я не посмотрел, повсюду двигались, свисали с веток или спрыгивали на землю эти длиннорукие красные животные, скалили желтоватые зубы, гримасничали и пронзительно визжали. Лупоглазы держались поодаль, отбиваясь ударами мощных хвостов от случайных нападений, но центром внимания атаковавших были мы со Шрамом.

Одна из обезьян высоко подпрыгнула и обхватила мою левую руку, я завопил от неожиданности и боли: вместо мягкого на вид меха я почувствовал, как сквозь тонкую ткань в кожу вонзились сотни маленьких иголок. Несмотря на то, что я быстро стряхнул животное, мышцы руки стали стремительно неметь. Я влил в пораженное место немного Ки, но онемение лишь ускорилося.

Еще несколько обезьян вцепились мне в ноги, я пошатнулся, пальцы левой руки перестали чувствоваться, и нож выпал прямо на грудь Шраму, к счастью, упав рукояткой вниз. Из последних сил я замолотил правой рукой по прибывающим обезьянам, но не мог понять, почему они отлетают даже от слабых прикосновений.

– Ложись! – услышал я голос Добряка и с облегчением рухнул на Шрама, хоть так прикрыв его собой.

Что-то низко прогудело над головой, и поток обжигающе горячего воздуха обдал ноги. Я приподнял голову и увидел, как мимо пробежал Добряк, его обычно добродушные глаза сузились до острых щелочек, а в руках он держал тяжелый на вид меч. В следующее мгновение на меня россыпью полетели мелкие красные капли.

– Встать можешь? – к нам подошел охранник, с которым я раньше не пересекался: высокий мускулистый парень в короткой кожаной безрукавке и странным поясом, украшенным плотным рядом металлических дисков диаметром с ладонь. На поверхности дисков были вырезаны необычные массивы, сложенные из множества крошечных печатей. Несмотря на крупное массивное тело, казалось, что охраннику не больше шестнадцати лет из-за его по-детски округлого лица без малейших признаков щетины и несколько удивленного выражения глаз.

– Не уверен, – ног я уже не чувствовал.

– Не переживай, – бодро сказал парень. – Яд у красного древолаза не особо опасен и вызывает лишь временный паралич.

Я внимательно посмотрел на труп обезьяны, лежащий прямо перед моими глазами. Меж густых красных шерстинок едва виднелись тоненькие прозрачные иголки.

– Лучшее противоядие – это зерна скорнии, у лекаря точно есть, – с этими словами охранник приподнял меня, сделал несколько шагов и закинул на седло лупоглаза, покрытое мягким розоватым мехом, в котором я узнал шкуру огнеплюя. Видимо, Шрам и раньше сталкивался с ними.

– Отвези их к лекарю, пусть накормит скорнией. И Зеленому на сегодня хватит, иначе он пол-леса к нам стянет, – с ног до головы покрытый брызгами крови подошел Добряк, но сейчас его прозвище казалось скорее насмешкой. Он был поистине страшен, и впервые за время нашего знакомства его голос полностью сочетался с выражением его лица.

– Хозяин, откуда такая стая? Мы ж всего на два дня только отъехали от города, – спросил парень с дисками, закидывая парализованного Шрама на мою Пинь.

– Неважно. То ли Зеленый им так глянулся, то ли их в этом году многовато народилось.

– А ведь на караван ни одна обезьяна не напала.

– Хватит болтать! Вези их.

– А если они снова...

– Глаза разуй! Тут не меньше двух сотен полегло. Откуда еще возьмутся?

Парень с дисками согласно хмыкнул, взял наших лупоглазов за поводья и поехал назад к каравану.

Второй раз за день я очутился в фургоне торговцев, и снова Байсо поил меня водой, помогая проглотить сухие горькие семена, с виду больше похожие на овечьи катышки.

Мальчик состроил серьезную мину и сказал:

– Шен, ты должен отказаться от авангарда. Я скажу Джин Фу, что не приму его в качестве учителя, если он не переведет тебя в караван.

Я сглотнул горькую от семян слюну и выпалил:

– Нет, Байсо! Даже не смей. Это всего лишь временный паралич.

– Это всего лишь ожог. Всего лишь паралич. Всего лишь отрубленная рука. А это всего лишь смерть! – закричал Байсо, не обращая внимания на прочих людей в фургоне. Впрочем, торговцы делали вид, что не слышат наш разговор. – Ты что, не понимаешь, что можешь умереть?

– Байсо, успокойся! Конечно, понимаю. Я должен был умереть еще тогда, при первой нашей встрече, мог быть насажен на рог ешу, мог умереть утыканный стрелами Змея, мог погибнуть от молний мехохвоста. Да даже тут, в караване, один человек чуть не умер от огнеплюя.

Тебя взяли в ученики из-за твоего ума и языка, а ведь жизнь торговцев ненамного легче и безопаснее. Они также рискуют собой, ведя караваны. Неужели ты откажешься разговаривать только из-за того, что прочие части твоего тела не оценили? Единственное, что есть ценное у меня, – это защитный массив, и ты предлагаешь мне отказаться играть свою роль?

Ты видел Шрама? Он пострадал еще сильнее, стоя рядом со мной, потому что не хотел пользоваться моей защитой. А знаешь, что это значит? Что я слаб! Слаб для этого каравана. Слаб для этой работы! Меня не стоило брать в караван.

– Стоило, – сказал Джин Фу, входя в фургон. Как в прошлый раз, сначала торговец оценил степень угрозы каравану и лишь потом вернулся. – Просто мы не ожидали такого эффекта. Каков твой реальный талант, мальчик? Лекарь сразу сказал, что он у тебя низковат. Печать на плече говорит о семнадцати единицах. А на самом деле?

Я заметил умоляющий взгляд Байсо. Он молчал при своем учителе, но было видно, что если бы мог, то заткнул бы мне рот. Я приподнялся на локте, к левой руке потихоньку начала возвращаться чувствительность, и под кожей словно текла река из иголок.

– Что бы ты не сказал, я уже не откажусь от своих слов, и ты доедешь с нами до столицы и будешь продолжать работу в охране каравана. Но если у тебя есть какие-то слабости, лучше, чтобы я и Добряк знали о них.

– Мой талант равен семи, – тихо сказал я.

Глава 6

Ворота медленно распахнулись, и в Черный район, испуганно озираясь, вошел мужчина. Рваное, некогда черное одеяние окутывало его с головы до колен, не давая разглядеть лицо, лишь трясущиеся кисти рук да босые ступни виднелись из рубища.

– Быстрее давай, – крикнул стражник и подтолкнул нищего копьем. Тот сделал еще несколько шагов, и ворота захлопнулись, отрезая его от города. Навсегда.

Мужчина постоял еще немного, затем осторожно направился вглубь улиц. Старые, заброшенные, но еще не развалившиеся дома смотрели на него черными проемами, вымощенные булыжником дороги с редкими пучками проросших трав и мелких кустиков были пусты. Ни голосов, ни звона посуды, ни детского смеха.

Сначала он заглядывал в дома, но после пятого, полностью вычищенного жилища, в котором не осталось ни лавок, ни стола, ни посуды, ни истертого половичка, перестал это делать. Район был пуст.

Нищий вдруг приподнял голову и шумно втянул воздух. Откуда-то тянуло опасностью и... едой. Дым? Мужчина шагнул в одну сторону, затем в другую, снова понюхал ветер и решительно зашагал на юг.

Вскоре он услышал человеческие голоса, там кто-то тоненько кричал и звал на помощь. Он ускорил шаг и, завернув за угол, увидел, как несколько детей играют в хвост дракона. Мальчик во главе цепочки пытался поймать маленькую девочку, замыкающую цепочку, но та, не убирая руки с плеча впередистоящего, весело уворачивалась и оглушительно визжала, поторапливая остальных двигаться быстрее.

Как только дети заметили постороннего, цепочка сразу распалась, и самый старший, мальчик лет семи, сказал остальным:

– Скажите Мастеру, что тут чужак, – дети тут же разбежались в разные стороны, но сам мальчик остался. – Как ты сюда попал?

- Через ворота, - хрипло откашлявшись, выдавил нищий.

- Ты болен? - мальчик насупился и прикрыл нос рукавом.

- Нет. Просто голоден.

- Я отведу тебя на площадь, только веди себя хорошо, а то Мастер тебя накажет.

Мальчик, не убирая руки от лица, пошел в сторону внешней стены, которая возвышалась над всеми домами Черного района, но постоянно оборачивался, следя за незнакомцем. Спустя несколько минут они вышли на небольшую площадь, в ее центре стоял огромный котел, а под ним горел огонь.

Нищий схватил мальчика за шиворот и оттащил его назад, тот яростно закричал:

- Ты чего? Отпусти меня!

- Там огонь! Опасно! - прохрипел нищий.

- Чего опасного? Как еще готовить еду? Ты точно не больной? - мальчик вырвался и отбежал в сторону. - Жди тут.

На площади, в отличие от остальных улиц, кипела жизнь: одни женщины подтаскивали дрова и кидали их в огонь, другие - чистили овощи и какие-то корни, третьи - рубили мясо. Вокруг носились маленькие дети, и никто не беспокоился из-за того, что они могут обжечься или пораниться.

Желудок у нищего громко заурчал, и одна женщина, улыбнувшись, отрезала и бросила ему репу. Мужчина подхватил желтый, остро пахнущий кусок, поклонился и откусил, наслаждаясь вкусом еды.

Он еще не успел доесть, как из-за домов вынырнул высокий худощавый мужчина с длинными ухоженными волосами, заплетенными в косу, и сразу направился к нему.

- Приветствую вас в Черном районе, - мягко сказал он. - Если не возражаете, я хотел бы с вами побеседовать.

– А что, и тут есть свои начальники? – резко спросил нищий. Из-за хрипа казалось, что он не говорит, а каркает. – Тоже печать потребуешь?

– У нас свои порядки, – вежливо улыбнулся черноволосый мужчина.

– Я-то, дурак, обрадовался, что хоть помереть смогу спокойно.

– Вы так жаждете смерти?

– А тебе какое дело?

– Прошу прощения. Здешние жители называют меня Мастером, и в какой-то степени вы правы, я отвечаю за этот район. Поэтому должен знать о каждом, кто появляется здесь.

– Тьфу, – сплюнул нищий и снова закашлялся. – Даже на Дне Пропasti, похоже, будут императоры и чернь, богатые и бедные.

– Несомненно, – спокойно ответил Мастер. – Так вы согласны со мной побеседовать?

– А если нет?

– Тогда ваше желание исполнится быстрее, чем могло бы, – в голосе Мастера не было и намека на угрозу, только вежливое ожидание.

– Да Пропасть с вами. Что вы хотите знать?

– Как вы сюда попали?

– Как-как... Как и все, через ворота. Меня выкинули, как ненужный хлам, – прокаркал яростно нищий и снова закашлялся. – Сказали, что раз у меня нет жилья, нет работы и нет заботливых родных, то нечего глаза мозолить добропорядочным жителям нашего прекрасного города.

– А почему так случилось?

– Снова? – вскричал нищий и топнул босой ногой. – Хочешь, чтобы я поведал историю своей жизни? А что потом? Решись, что я даже для Черного района не подхожу? Давай, выкинь меня сразу в лес, на растерзание диким тварям!

– Мы никого не выкидываем. Если ты хочешь жить честно и спокойно, мы найдем тебе работу. Вот только платить будем не деньгами и не Ки, а едой, дровами, одеждой. Но я должен знать о тебе немного больше.

Нищий резко сдернул с головы рубище и крикнул:

– Вот этого достаточно?

Вся левая половина лица нищего была изуродована жуткими рубцами, от чего кожа неестественно стянулась, и казалось, что он гримасничает. Темно-русые волосы были запорошены белыми нитями.

– Этого достаточно? – тихо повторил мужчина. Из-за шрамов и седины было сложно понять возраст, ему могло быть как двадцать, так и пятьдесят лет. Шрам тянулся вниз по телу, вплоть до запястья левой руки. – Тебе, как и прочим, ведь печать нужна? А нет ее у меня. Не сохранилась, – он сдвинул ткань и показал левое плечо, где среди рубцов сохранились разорванные черные пятна – остатки от печати с числом таланта.

– Вы из Железного района? – спросил Мастер. На его лице не промелькнуло и тени отвращения.

– Был когда-то, пока не ошибся, – нищий говорил чуть слышно, еле двигая изуродованными губами. – Потом в клане решили, что я не приношу пользы, дали денег и выкинули прочь. Какое-то время я жил в Синем, думал, найду работу, я ведь могу учить детей, да, руки у меня уже не те, но знания-то никуда не делись. Но без печати меня никуда не брали, а в школе дети слишком пугались вот этого, – мужчина ткнул себя в щеку. – Деньги заканчивались, я перебрался в Серый, а итог ты и сам видишь.

– А чем именно вы занимались в Железном районе?

– Металлами. Мой клан небольшой, мы плавим руду, делаем разные смеси металлов, изучаем их свойства. Изучали... Изучают... – нищий опустил голову.

Мастер положил руку на плечо нищему:

– Добро пожаловать в Черный район! Выбери себе имя и начни новую жизнь. Вместе с нами.

Мужчина поднял лицо, больше похожее на маску, в его глазах блестели слезы:

– Спасибо! – его скошенная верхняя губа начала подергиваться. – Спасибо! Я хочу, чтобы меня звали Кузнецом.

– Конечно, Кузнец. А теперь присоединяйся к остальным и поешь.

* * *

– Мой талант равен семи, – тихо сказал я.

Торговец неторопливо провел рукой по лысине, и это была его единственная реакция на новость.

– Что ж, это многое объясняет, – сказал он. – При принятии в охрану каравана не принято спрашивать о прошлом, но это не мешает нам строить догадки.

Раньше мне было непонятно, почему мальчики из богатой семьи, студенты университета, вдруг решили бросить все, к чему привыкли, и поехать в довольно опасное путешествие. И почему родители вам это позволили. Даже, – улыбнулся Джин Фу, – если вы и не связаны кровными узами.

Теперь ясно, откуда такое мастерство в массивах у столь юного воина. Так как твой талант не позволяет использовать обычную магию, а бесконечным запасом кристаллов с Ки не обладает даже многоуважаемый мэр Хи Донг, родители решили нанять тебе учителя по начертанию массивов, потому что тут ты хотя бы с толком потратишь энергию, верно?

Учитель, скорее всего, был выписан из столицы. Кто это был? Чан Бэй? Вряд ли, он известный домосед. Цзян Ли? Хотя это не так важно.

Помимо массивов учитель, видимо, рассказывал тебе про красоты столицы и про возможности, которые она дает умелым начертателям. И вот, случайно узнав о том, что столичный караван набирает охрану, ты схватил пару заполненных кристаллов и кинулся туда. А брат (или приятель) увязался за тобой, желая лишь посмотреть, пройдешь ты отбор или нет. Я верно угадал? Впрочем, – после паузы добавил Джин Фу, – это тоже не так важно.

Я молчал, не поднимая на торговца глаза. Мне было стыдно за то, что мы ввели в заблуждение опытного торговца, и в то же время я чувствовал облегчение: теперь он знает о моих умениях, и мне больше не нужно врать.

– Но ты прав, Юсо Шен. Мы взяли тебя ради твоего массива, и раз ты согласился на эти условия, тебе придется продолжить работу в авангарде. Добряк ошибся, поставив тебя в пару со Шрамом.

Ты знал, что человек со столь низким талантом будет стягивать животных с огромного расстояния? Но об этом с тобой Добряк еще побеседует, – Джин Фу приятно улыбнулся, а у меня мороз прошел по коже, стоило лишь представить, как глава охраны будет меня отчитывать.

– Мне плевать, кто ты, как тебя звать и из какой ты семьи, но ты скрыл важные, смертельно важные вещи. Талант в семь единиц! Ты что, сын свиньи и крота? Но даже у них хватило бы мозгов сказать мне о подобном бездаре, – стоило мне только вылезти из фургона и рассказать Добряку про свой секрет, как тот оттащил меня в сторону и зашипел. – Странно, что за эти два дня к каравану не сбежался весь лес, включая мифического девятихвостого лиса. Хотя это же только два дня! Наверное, он просто не успел еще добраться!

Я сидел, уставившись на сероватую сухую кожу Пинь, на этот раз потому, что не мог выдерживать разницу между ледяно-яростными интонациями Добряка и умилительно лучистым выражением его глаз.

– Нам, конечно, нужна приманка впереди каравана, но не, заведи тебя Дно, такая вкусная. Так, Зеленый, я даю тебе амулет. Носи его, не снимая, но не используй. Если ты случайно его заставишь сработать, то всех обещанных за

охрану денег не хватит, чтобы расплатиться. Также не советую подышать в желудке какой-нибудь твари, иначе я повешу долг на твоего брата.

– Может, тогда лучше не давать его мне? – робко спросил я, мельком взглянув на протягиваемый амулет.

– Помимо основного предназначения, о коем тебе не стоит знать, амулет смешивается с аурой носителя и дает ощущение, понял? только ощущение большей магической силы. Ты, само собой, останешься таким же инвалидом, но хотя бы будешь создавать впечатление нормального человека. Из-за тебя уже пострадал один из моих людей.

– Шрам? – испуганно спросил я.

– Да. Он получил слишком большую порцию яда, и временно, надеюсь, что лишь временно, не сможет сражаться. И я не хочу, чтобы из-за глупого мальчишки пострадал кто-то еще. Так что заткнись и надевай.

Добряк снова протянул амулет, квадратик из черной плотной кожи, в центр которого вставлен небольшой кристалл такого же цвета. Я больше не стал возражать и потянулся за амулетом, но стоило мне лишь коснуться его, как он улетел с ладони Добряка в кусты и исчез из вида.

– Что ты делаешь? – заорал глава охраны. Я недоуменно уставился на пальцы правой руки. Что с ней не так? – Пока не найдешь амулет, на глаза мне не показывайся, – Добряк развернул своего лупоглаза и уехал в начало каравана.

Я немедленно спрыгнул с Пинь, попытался с размаху воткнуть пальцы в землю и закашлялся, отплевываясь от комочков грязи и травы, полетевших мне в лицо. Во время сражения с древолазами мой защитный массив не выдержал напора и рассыпался, но касания правой рукой продолжали вызывать странный эффект. Я осторожно размотал ткань, но кроме резких покалываний на незаживших кончиках пальцев, ничего не ощутил и не нашел.

Затем я потянулся пальцами к близстоящему дереву и понял, что не могу дотронуться до него: между кожей и корой оставалась едва заметная щель. Тогда я увеличил давление и почувствовал, как невидимая защита распалась, а многострадальные пальцы впились в грубую кору. От боли я чуть не взвыл,

поспешно достал коробочку с мазью и снова перебинтовал руку, затем вытащил амулет с магическим зрением и с его помощью засек свечение в траве.

Добрряк не успел назначить мне место дежурства, поэтому я отыскал его, продемонстрировал найденный амулет, но глава охраны лишь холодно кивнул и проехал мимо, не сказав ни слова.

Спустя какое-то время мы снова свернули с основной дороги на ночлег. Кажется, такие поляны раскиданы по всему пути следования, и опытные караванщики рассчитывали движение так, чтобы укладывать дневные переходы в отмеренные отрезки.

После ужина подошел Летящий и кинул мне на колени странную гладко вырезанную конструкцию.

– Везучий ты парень, Шен! – сказал он, улыбаясь шире, чем обычно. – Знаешь, так как твари в лесу водятся всякие, то в принципе допускается пускать на обивку для седла шкуру и второго убитого зверя. Но ты ж и тут отличился, прикончил десяток древолазов. Не знаю, как ты, а я бы на твоём месте не хотел бы стелить их шкуру себе под задницу. Так что вот, держи. Гусак сегодня целый день крутил-вертел, но сделал тебе сиденье из пластин костяной собаки.

Я встал, поклонился Летящему в знак признательности и взял подарок. Снизу эта вещь повторяла контуры самого седла, а сверху мягко изгибалась, подстраиваясь под тело.

– Передай мою благодарность Гусаку. Он хорошо постарался.

– Кстати, у него еще остались пластины. Если хочешь, можешь заказать у него что-то еще, но, разумеется, не бесплатно. Например, шляпу, – Летящий рассмеялся и ушел.

А я всерьез задумался, может, и правда стоит сделать защитные детали? Ткань студенческого костюма совершенно не подходила для поездок по лесу, даже если наложить пластины только на грудь, плечи и бедра, защита повысится. Хотя в боях с огнеплюем и древолазами это бы мне не помогло.

Жаль, что Мастер не успел обучить меня нанесению массивов на предметы. Он лишь пояснил, что это сложный и длительный процесс, который невозможно выучить за пару месяцев, и даже бесконечный запас Ки не поможет.

Прихрамывая и опираясь на копье, как на посох, ко мне подошел Шрам. Я поспешно вскочил и поклонился:

- Учитель! Как вы себя чувствуете?

- Хо-хо, - проскрипел он. - Так ты еще не передумал быть моим учеником?

- Конечно, нет! Но вы же ранены, поэтому...

- По собственной глупости. Забыл, что тебя защищали эти невидимые каракули, вот и полез вперед. Ты уже нашел подходящую палку?

Я снова поклонился и остался в склоненном положении. Учитель дал мне первое задание, а я его не смог выполнить. Какой же я бесполезный ученик!

- Прошу прощения, учитель! Сейчас принесу.

Мы отошли со Шрамом в сторону, оставаясь в рамках огороженного веревкой пространства.

- За месяц я смогу показать тебе лишь основные стойки, удары и блоки, и хотя их вполне достаточно для ведения боя, но отрабатывать их придется намного дольше просто для того, чтобы зваться учеником копейного боя. Меня обучали три года, потом этот пасынок Пропasti еще пару лет сдавал меня в найм, а деньги загребал себе.

Копье - это не просто палка с острым концом. Существует множество видов копий, отличающихся как длиной древка, так и формой наконечника. У меня, к примеру, хуа цян, цветочное копье, посмотри, у него острый узкий наконечник, которым можно не только колоть, но и резать, а длина подходит как для пешего боя, так и для верхового. В столице есть один оружейник, который делает только копья, но все они разные, как деревья в лесу. Рост, ширина ладони, размах плеч, пешком ты будешь сражаться или верхом, в доспехах или коже, с

применением магии или без, – он вытрясет из тебя всю душу перед началом работы, зато когда вынесет тебе готовое копье, и ты возьмешь его в руки, то сразу почувствуешь, что это не просто палка и металл. Это продолжение тебя.

Копье универсально. Ты сам выбираешь дистанцию, можешь колоть, подсекать, обороняться и нападать.

Шрам встал чуть боком, правая нога сзади, левая рука держит копье посередине, правая крепко обхватила древко на тупом конце. Несмотря на уверенную позу, было видно, что его руки трясутся, а по ногам пробегает судорога, заставляя мужчину морщиться от досады на собственное тело. Мне хотелось влить в него Ки, но я помнил, что это лишь усиливает яд древолазов. И мы начали тренировку...

Пара следующих дней прошла относительно спокойно. По утрам и вечерам Шрам занимался со мной, вновь и вновь заставляя повторять одни и те же колющие удары: шаг вперед с выпадом, отступить, выпад, отступ. На левой ладони вздулись и порвались кровавые мозоли, правую же я по-прежнему обматывал тканью, так как кожа на пальцах оставалась слишком тонкой и чувствительной. И даже во время дежурств я должен был возить палку с собой. «Чтобы рука привыкла», – говорил Шрам.

То ли помогал амулет, данный мне Добряком, то ли еще почему-то, но массовых нападений животных больше не случилось. Один раз мы целый час ждали, пока проползет по дороге гигантская змея, Летящий сказал, что нам повезло, и это всего лишь кончик хвоста. В другой раз мы наткнулись на колонну красных муравьев шириной в несколько метров, в которой насекомые перетаскивали трупы мелких животных. По краям, угрожающе подняв передние лапы, стояли охранники муравьиного каравана и клацали челюстями до тех пор, пока колонна не прошла.

В пятый день нашего путешествия из леса вышла девушка. Обычная девушка с длинной черной косой и алой лентой, в блестящем желтом одеянии и красных с вышивкой туфельках. Змей, чья очередь была дежурить в авангарде со мной, сразу же натянул лук и наставил стрелу на неожиданную гостью.

Девушка не испугалась двоих вооруженных мужчин верхом на лупоглазах, не вздрогнула и при виде стрелы, лишь улыбнулась и, сложив руки на подоле,

скромно поклонилась.

- Кто ты? - неуверенно спросил я. - Ты потерялась?

- Меня прислали сказать, что лесной Ван проснулся.

Глава 7

Змей, как услышал слова девушки, опустил лук и прикоснулся к сигнальному амулету, вызывая подмогу. Я испуганно покосился на него, после ошибки с огнеплюем я решил быть осторожнее со всем, что выходит из леса, невзирая на внешний вид. Думаю, теперь бы я не протянул руку мехохвосту.

- Я слышал про животных, которые умеют принимать облик людей, - негромко пояснил Змей, - но ни разу не слышал, чтобы они умели говорить.

Девушка стояла неподвижно в нескольких метрах от наших лупоглазов, она не нервничала и не боялась, не оглядывалась на заросли, не отмахивалась от бабочек и прочих насекомых. Ее одежда была не новой, но чистой и аккуратной, без порезов и дырок, волосы не растрепались, обувь не запачкалась, словно она не проходила через лес, не перебиралась через поваленные деревья и не встречала никаких животных. У нее даже оружия не было видно. Она как будто просто возникла рядом с дорогой.

Что бы там не говорил Змей, она не может быть человеком!

Я посмотрел на нее при помощи магического зрения и обомлел. Амулет показал, что у девушки низкий талант, на уровне моего, но при этом ее окутывало облако магии.

Сзади послышался быстрый топот: прибыли Добряк и тот парень с дисками на поясе, его в караване все звали просто братишкой Ксу. Глава охраны взглянул на девушку, спешил и уважительно поклонился:

– Приветствую молодую госпожу. Вы посетили нас по какой-то особенной причине?

Девушка хихикнула, прикрыв рот тыльной стороной ладони:

– Прошу вас не обращаться ко мне как к госпоже, я всего лишь глупая деревенская девочка. Меня зовут Ао Минь. Староста нашей деревни сказал мне встретить путников.

– Приглашаю вас проехать с нами к каравану, – голос Добряка прозвучал непривычно мягко и учтиво, но тут же сменился на обычный холодный тон. – Зеленый, Змей, езжайте дальше!

– Нельзя! – воскликнула девушка. – Лесной Ван проснулся!

Добряк поперхнулся от ее слов и долго кашлял, стуча себя в грудь, затем выдавил:

– Ао Минь, прошу подождать с нами прибытия повозок. Мне нужно посоветоваться с владельцем каравана.

– Конечно, – легко согласилась девушка. – Делайте, как вам удобно.

Когда повозки добрались до нас, Добряк позвал Ао Минь в фургон к Джин Фу, и та, ни капли не засмутившись, скрылась за пологом наедине с незнакомыми мужчинами. Байсо выставили из повозки, и он, немного помявшись, подошел ко мне.

– Шен, я... мне... я слишком испугался за тебя. Я все же твой старший брат и отвечаю за тебя. А ты... – Байсо явно не привык извиняться.

– Это моя вина. Я был неосторожен и заставил тебя волноваться. Тебе не за что извиняться. Как твое обучение?

Байсо махнул рукой:

– Кажется, что учитель мной недоволен. Я столько не знаю... Он учит меня высокому диалекту, языкам, обсуждает эту... как ее... географию, но почти не касается торговли. Еще каждый день он дает мне по задаче, и я должен к вечеру объяснить, как ее решить и почему именно так. А они нерешаемые! Как ни смотри, все равно выходит неправильно! Например, сегодня он спросил у меня, сколько нужно взять зерен, чтобы получилась кучка.

– Какая кучка? – не понял я.

– Любая. Обычная. Вот смотри: одно зерно – это не куча, верно? И два зерна – не куча. И три зерна – тоже не куча. Так с какого количества зерен начинается куча?

Я развел руками.

– А вчера он спросил, можно ли считать белую одежду цветной. Ведь белый – это тоже цвет, но с другой стороны, белую ткань не опускали в красители, а значит, она должна быть дешевле, как некрашенная, а значит, не цветная! Я и сказал, что белое не считается цветным, тогда он спросил, а не значит ли это, что у меня бесцветные волосы. А у меня ж не бесцветные! – и Байсо дернул себя за прядь. – Лучше б я тоже в охранники пошел. Тебе со Шрамом явно веселее, чем мне.

Я лишь вздохнул, сжав левую руку в кулак и спрятав красные корки от мозолей, подготовка в лагере охотников не особо помогала при муштре Шрама, а ведь мы еще не дошли до работы в паре.

Полог фургона откинулся, оттуда выпрыгнул Добряк и приказал разгружать повозки. Половине охранников он сказал спешиться, взять столько груза, сколько возможно, а затем последовать за девушкой в ее деревню, прочие же должны их охранять.

– Их деревня всего в часе ходьбы отсюда, но дороги нормальной нет, груженные повозки не пройдут.

– Если вообще пройдут, – еле слышно буркнул Джин Фу, вышедший следом. – Ты уверен, что этот Ван так опасен? Я раньше не слышал про него.

Добряк раздраженно повернулся к торговцу и сказал:

– Вы когда-нибудь слышали о хранителях? Водоемы оберегают речные змеи, в горах живут огромные кабаны, а в лесах зачастую бесследно пропадают целые охотничьи артели? Вы же слышали ее! Нам нельзя ехать вперед.

Мы с Байсо стояли рядом с фургоном и изо всех сил старались раствориться в воздухе, чтобы нас не заметили и не прогнали.

– Кто бы мог подумать, что здесь прячется целая деревня, – пробормотал Джин Фу. – Как они выживают?

– Нас оберегают предки, – ответила Ао Минь, спрыгивая с фургона. – Не бойтесь, я проведу вас к деревне, и мы покажем другую дорогу из леса, не через владения Вана.

– Но почему ваш староста вообще решил нам помочь? – спросил торговец.

– Это традиция. У Лесного Вана раз в двадцать лет рождаются дети, и он не пускает на свою территорию никого крупнее собаки. Эта дорога проходит недалеко от его жилища, и он точно нападет на вас. И хотя вы не победите его, зато можете разозлить, и злой Ван начнет убивать всех людей в округе, – девушка сказала об этом так легко, словно речь была не об уничтожении ее деревни, а о грядущем дождике.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Цай Хонг Ши (кит) переводится как Радужный город, название родного города Юсо Шена.

2

Зинг Ян Би (кит) переводится как умудренный опытом господин.

Купить: https://tellnovel.com/ru/butyrskaya_natal-ya/ideal-nyy-donor-karavan

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)